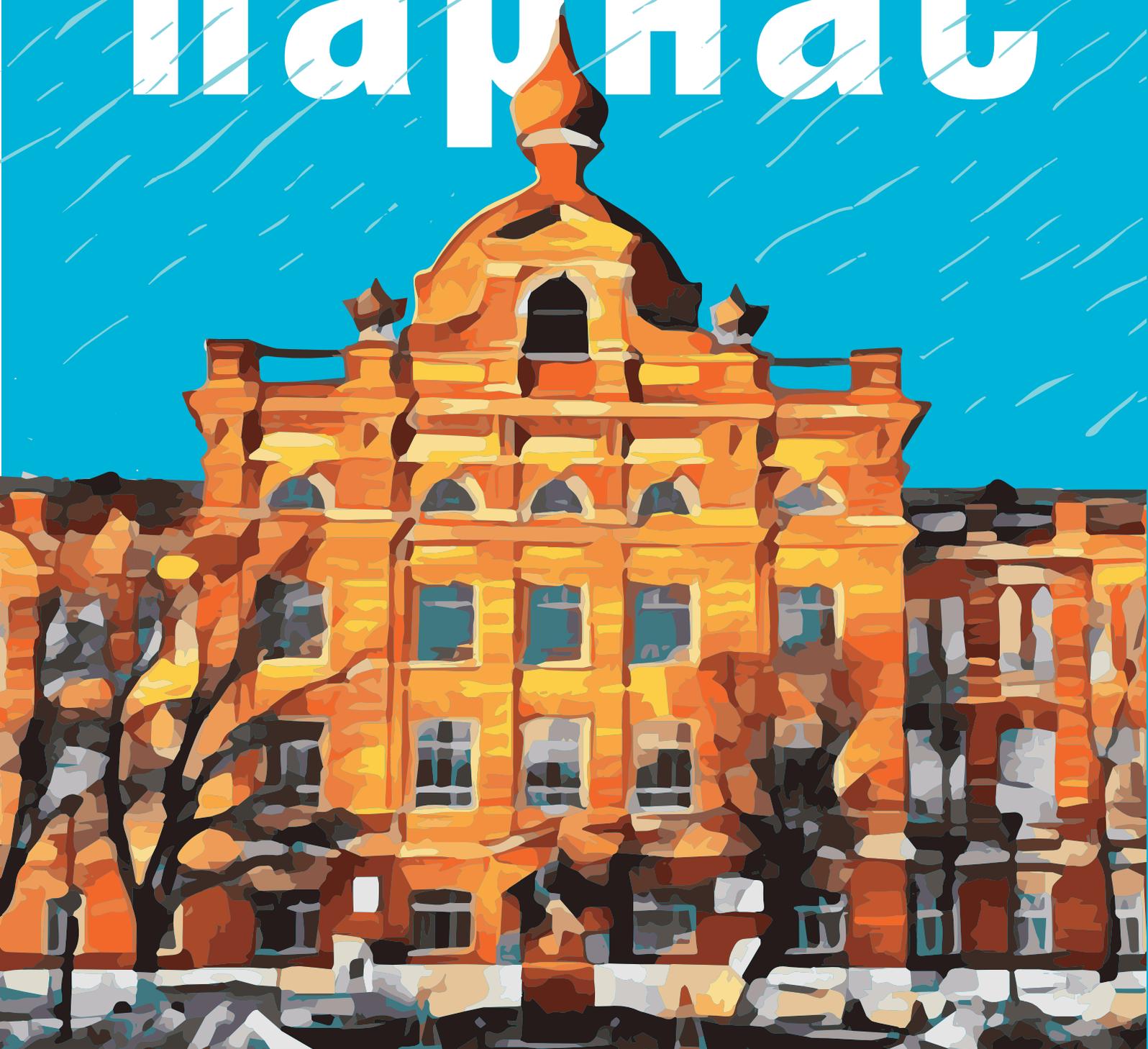

Университетский парнас

Литературный альманах

Выпуск 4

Университетский
парнас

Литературный альманах

Выпуск 4

Елабуга, 2021

УДК 82

ББК 84

У 71

Редакционная коллегия:

Мерзон Е.Е., Разживин А.И. (отв. ред.),

Пивкина С.А.

У 71 **Университетский Парнас.** Литературный альманах. Выпуск четвертый. Елабуга: ЕИ КФУ, 2021, 162 с.

В Альманахе представлена лирическая поэзия и проза преподавателей и студентов Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета разных лет.

© Коллектив авторов, 2021

© Елабужский институт КФУ, 2021

© Нутфуллин Р.Р., дизайн, обложка верстка, 2021

Поэзия

Светлана Пивкина (г.р. 1937)

Кандидат педагогических наук, доцент. Окончила Елабужский государственный педагогический институт и аспирантуру в Москве. Учительствовала в школах города Елабуги. Работала на кафедре педагогики, затем на кафедре русской и зарубежной литературы в должности доцента. Автор пяти поэтических сборников. Живет в Елабуге.

Солдатам малых городов

*Наветы, недомолвки,
как ржавые осколки
хулят историю всех войн*

Назначено нам время говорить
По праву внуков и сынов солдатских
От имени негромких городов прикамских.
А вам, кто дал вам право солдата-победителя судить?

Зачем твердят и ныне дипломаты,
Что, мол, Россия пред Европою в долгу?
Понять победу русских им неведомо,
Как и их хозяевам когда-то.

Какой резон вам всей оравой
Страну другую поучать?
Солдат готов и жизнь отдать
За пядь земли родной державы.

Оставив за спиною осени и зимы,
Простые парни малых городов,
Откликнувшись на Родины любимой зов,
Прошли с боями до Берлина.

Дороги правды нележки,

Но вечной стала золотая дата.
Нам деды завещали беречь достоинство солдата
Наветам, недомолвкам вопреки.

Но вот и май – Война остановилась.
Споткнулась в огненной пыли.
И те, кто к нам непрошено пришли,
Парням простым сдались на милость.

Колокола

*Матерям детей, погибших в крематории
Освенцима, посвящается*

Споткнулась в огненной пыли война –
Такого святотатства не ведала история:
Детей губили в пекле крематория...
Не выпить горя неизбывного до дна.

И вновь кричат в тоске колокола:
Какие б времена не наступали,
Они звонили, звали, освящали...
Но в утешенье матери найдутся ли слова?

Под эти звоны не забытья, не до сна.
Опять я в нем – правдивом и нелепом –
Летаю, будто бы, незримым пеплом:
Сожгла меня – не в сказке – взрослая война.

Лечу домой я легкой пепелинкой,
Над отчей крышей в облаке кружу.
По материнской ласке, как то дитя, тужу. |
Ты слышишь, мама! Это я, твоя кровинка!

Ее судьба - надеяться и ждать.
Ждать письма-треугольнички с войны.
Молиться, не пропали б без вести сыны.
Зачем стеснялась я твои морщинки целовать?

Пребудет место и таким судам,

Где глас колоколов превыше слова мести.
«Пусть каждому воздастся по его делам...»
А матери все ждут и ждут известий...

Читатель!

Возьми отсюда хоть строку себе.
Я не прошу, чтоб ты ее поправил.
Прошу я только, чтоб детей сберег, оставил,
Когда безбожие творится на Земле.

* * *

Словам стихов мы безотчётно верим:
В них чудится предсказанный предел.
«Лишь небесам известна земная наша мера»,
Но каждый спрятаться от времени хотел.

Во вдохновении счастливом пишется легко.
Как бабочку, боишься слово чистое спугнуть.
Вслед за пером и мысль уносит далеко,
Туда, где будем все когда-нибудь.

Мечталось путь особый отыскать
Среди других к своей конечной двери,
Где в зазеркалье лишь то имеет власть,
О чем судачили забытые поверья.

Маршрут не изменить. И ты в покорности суровой,
Как нищая, протянешь длань:
Оставь, что было – в пределах жизни новой,
В извечном переходе в призрачный туман.

Оставь священной веру в слово.
В его глубинную, неведомую суть.
И к падшим и к не падшим оно прийти готово...
Пусть будет нужным хоть кому-нибудь.

* * *

Поэт и читатель – собратья пред словом.
Но будьте суровы с кем разной вы крови,
Кому не под силу поэзии чара.

Слово читателя – глас прокурора:
Ждешь оглашенья его приговора...
За что же прощенье ему, а не кара?

За то, что спасает оно от гордыни.
За то, что и цену себе узнаешь отныне.
За слезы и страх среди льдов одиночества.

Казни ошибок, тревог, поражений...
Ужели возможно вновь возвращение
Дара всеведенья, чуда пророчества?

Но снова, как в праздник весенний, река,
Как в кольцах старинных девичья рука,
Слово сияет, небом отпущено.

Так, лепет случайный капризницы музы
Запрячется в строчке летящей, жемчужной.
Что ей до бренности сущего?

Переключка

*В глазах одних считаюсь чудачком,
В других – насмешку вызываю.*

Е. Поспелов

За что же ты, Муза,
его создала чудачком?
Могла бы политиком, мэром,
звездой оперетты.
Но ты пожелала, чтоб истиной
был он влеком,
И брел против ветра.
И он, в этом мире дорог

Наткнулся на правду,
 что рвет его в ключья.
Ты знала, что он,
 как замученный Бог,
Другую дорогу искать
 не захочет.

Кончается срок,
 а наивный чудак
Пытается все в идеалы поверить.
А создан он был,
 чтобы мудрости мрак
Однажды, как пепел,
 коросту развеять.

Но кто же пойдет
 за своим земляком —
Смертным обычным
 не святого Прикамья?
Как ты пожелала,
 словом неясным влеком
Ворвался он
 в сон бытованья.

За что же ты, Муза,
 его создала чудачком,
Блуждающим вне предсказанья?

На тропе Алентьева

Поэт, мечтатель ли, воитель
Впервые проложил тропу.
Кто тот неведомый даритель —
Известно дятлу одному.

Сменили люди быта суету
На перезвон весенних капель.
От музыки такой душе невмоготу.
Ах, Моцарт! Моцарт! Не ты ль ее создатель!

От леса мы любви не ждем –
Самим посметь ему бы объясниться.
Любуясь, как ночные росы утренним дождем
Сумели в бриллианты превратиться.

Под шепот елей вдруг себя услышишь –
И стыд проймет за ложную строку.
Здесь исповедь себе не кажется излишней.
И легче одолеешь судьбы своей тропу.

Бредешь, забывшись, по аллее...
Вокруг кружится листьев кутерьма.
И, кажется, становишься мудрее.
Примолкни, дятел, тайну разгадаю я сама.

Зачем искать чего-то, спорить,
И тратить исповедный жар?
Иди себе по тропам с палками - опорой...
Так, ни за что Елабуге отпущен дар.

Мой городок - провинция

Свой городок покинуть не спеши.
И что с того, что он - провинция?
В нем минус лишь один - единственный:
Плодятся в нем охотно малыши.

Не торопись менять на родину большую
Свой малый городок, а то и поселение.
Послушай тихое сердечное веление-
То шепчет мать: «Ступай, сынок. Прощу я!

В чужих краях родятся твои дети.
Откуда есть - пойдет их род?
Вокруг - сады неведомых пород -
Пришельца оплетут их экзотические плети.

Иван, не помнящий родства -
Особая цена и там холопу,
Ему раздоры и война - что детский шарик схлопнуть.

А смерть - пустышка, трын-трава.
Иди и знай - все возвращаются назад.
Где корни, там и расцветает крона.
А нет - в чужой земле схоронят.
Под безмянным камнем чужие то лежат.»

Любили набело, без проб

Обычный случай. Простой и скучный.
 Была гроза.
Столкнул нас лбами дождь колючий,
 Чтоб наказать.

Тому назад десятки лет, а может больше,
 Пришла любовь.
Какую боль ты принесла, о, святой Боже!
 Не надо слов.

Обрушилось в тебе все разом -
 Бессуден ревности укол.
Качнулся мир. И вздрогнул разум:
 Король-то гол!

И кто тогда представить мог
 Нам предстоящие маршруты?
Пролог внезапно прыгнул в эпилог,
 Любовь порвав, как путы.

Столкнулись вновь под Новый год -
 Судьба следила, не иначе.
Обычный разговор о чередѣ забот...
 И вот: «Твой внучек плачет».

И оправдания - химера. Не спасут.
 О жизнь разбили лоб.
Пусть призовут обоих нас на суд -
 Любили набело, без проб.

Перепевы

Стихи мои глубинных истин
не искали.
А просто так - летали, пели,
не слушали морали.
И нэбыль в каждом слове
прорастала...
А мне хотелось света и тепла,
увы, на всех их не хватало.

Всегда любила ветер -
только встречный.
И стих родился, как лопух,
упрямец поперечный.
Он не искал, кому бы угодить.
Он ткал всего лишь
пониманья нить.

Строка уж не летит -
она в солидном возрасте.
Ей не хватает ни в поэзии, ни в прозе
воздуха.
Давно уж не смешон шутóвский балаган:
Из праха - в жизнь, из жизни - в прах.
а там – в всемирный океан.

И в каждом изречении -
просвечивает возраст.
Но сущность отвергает
серебряную взрослость,
А годы, как пираньи, грабят память.
Идешь к перу, как нищая на паперть.

А жить так хочется
по вертикали вечной.
Чтоб в каждой речи -
ветер свежий, встречный.
У всякой речки -
свой особенный маршрут.

Поэт, писатель, звездочет!
Пришел и твой черед
Искать наш собственный
 славянский путь.

Всего лишь пес...

Всего лишь пес. А стал... собрат.
Возьмешь такого в трудную дорогу.
О, если б смог ты отучить от драк
Людей, не знавших мира сроду.

Карает жизнь. И милует нас честно.
Живем по - своему. Какие есть.
Кому-то захватить чужие земли лестно –
Наш кодекс - беречь России честь.

Контужены живем. И млад и стар.
По-своему встречаем испытаний драму.
Зачем звериный вой - предвестник бед?
Зачем выносим на люди незаживающую рану?

Всего лишь пес. А видит все насквозь.
Недаром человек пред ним глаза отводит.
Бог весть, зачем несчастье частый гость?
Но рядом с псом покой нисходит.

Судьба хитра, упряма, прихотлива.
Обычным словом с ней и не поладишь.
Со мной на пару и собака заскулила –
Да разве от нее тоску запрячешь?

Дано нам знать, увы, первоначально,
Что век, увы, не щедр на время...
Что скажешь, человек, в свой миг прощальный?
Зачем не жил в ладу со всеми?

Пришла пора оплакивать мне пса.
И спрячешь тельце в холмике из листьев.
Ну что с того, это он - другой? И без креста.
Всего лишь пес. Не по-человечьи близкий.

Ольга Горбунова (Лукшина) (г.р. 1960)

*Родилась в пос Бондюга
(ныне Менделеевск). Школу заканчивала в
г. Казани. В Елабужском государственном
педагогическом институте училась
с 1978 по 1982 гг. на факультете
педагогики и методики начального
обучения. Работала в РК ВЛКСМ, НГПИ,
органах муниципальной власти.
Живет в г. Набережные Челны.*

Письмо с фронта

Уж много лет у нас хранится
Письмо от деда с той войны.
Оно пришло из заграницы
В год нашей памятной весны.
В нем дед писал моей бабуле:
«Уж коли суждено нам пасть,
То пусть моею будет пуля,
Сынок еще не пожил всласть.
Сын, как твердит нам всем поверье,
Дом не построил и еще
Не посадил свои деревья,
Не вырастил свое дите.
Пусть пуля-дура выберет меня,
Мы пожили с тобой,
Сын радостей земных не знает,
Пусть остается он живой!»
Полвека с лишним пролетело,
Остался дед на той войне,
Письмо от срока пожелтело,
И буквы выцвели уже.
Меня ребенком удивляло,
Что папа, строгий человек,

Когда письмо мы то читали,
Слезинки сдерживал у век.
Да, он отпраздновал победу,
И вырастил детей своих.
Есть внуки, правнуки,
Но ДЕДУ обязаны мы жизнью их.
И этот праздник – ДЕНЬ ПОБЕДЫ
Священен будет на Руси.
Есть в каждом доме свои деды,
Есть в каждом доме их сыны!

Розовые облака

А вы видели розовые облака?
Нежно розовые на ярко синем?
Не художником на века,
Нарисованные на картине.
А на небе в часы, когда солнце,
Отправляясь на отдых, спать,
Облака лучами коснется,
Подарив им свою благодать.

А вы слышали трель соловья?
То ль фантастика, то ли реальность,
Где ни фальши и ни вранья,
Каждый звук чистоты уникальность.
Не в программе, что по ТВ,
И не записью в телефоне –
В городской на заре тиши,
От их трелей застыв на балконе.

А когда вы бродили в лесу?
Просто так, для души, тихонько.
Чтоб попробовать с листьев росу
Иль увидеть на ветке бельчонка.

А заметили вы, что наряд
Заменяла береза внезапно.

На рябине уж гроздья горят –
Это лето ушло безвозвратно.

А вы знаете, что зимой
Прилетают к нам свиристели,
А еще рябинник-удод,
В серебро одеваются ели...

Всё бежим куда-то, торопимся,
На плечах груз проблем и забот.
И никак мы не остановимся,
Дел у каждого невпроворот.

А давайте их просто откинем
И поднимем к небу глаза,
Чтоб увидеть на ярко синем
Нежно розовые облака.

Весеннее

Ах, какая идет борьба!
Ах, какие бои без правил!
На площадке – зима и весна,
Календарь их в пару поставил.
 Тренер есть у весны, да какой -
 Солнце яркое – луч зазорный!
 А зима и пошла б на покой,
 Да характер наставника вздорный.
Крутонравный, суровый Мороз
Не дает ей уйти с площадки.
Не указ ему марта прогноз,
Учит новым приемам и хватке.
 Все нечестно, исподтишка,
 В темноте, когда ночь накроет.
 От морозного ветерка,
 Как от допинга – она взвоеет,
Запуржит, заметет отчаянно,
Лужи все заморозит в лед –

Вдруг весна ненароком, нечаянно
Душу тонкую расшибёт.

А весна? Только солнце встанет,
Вновь к борьбе готова она.
Ей и допинга-то не надо,
Ей поддержка наша важна.

Чтоб не щурились мы на солнце,
Не ворчали, что режет глаза,
Чтобы верили, что наберется
Сил и мощи скоро она.

Чтобы шлепали все по лужам,
Чтобы слушали щебет птах,
Чтобы каждому было нужно
Утонуть в любимых стихах.

И тогда победа нагрянет
Залпом, грохотом льда на реке,
Первоцветом нас одурманит,
Теплым ветром пройдет по щеке.

А зимы нисколько не жалко.
Пусть уходит. Свое взяла.
И с весной ее перепалка
Потихоньку на нет сошла.

Ах, устали мы от метелей,
И от стужи, от долгих ночей...
Мы надеемся, что от трелей
Птиц весенних мы будем добрей.

Кто влюбиться мечтает весной,
Кто-то верит в свою звезду,
Кто неистовую мольбою
Счастья просит послать ему.

Пусть сочтут меня все невеждой,
Есть синонимы к слову «весна» -
Это «вера», «любовь» и «надежда».
И кто скажет, что я не права?

Заблудилась весна

Заплутала весна, заблудилась,
Не отыщет дорогу никак.
Видно, где-то в пути она сбилась,
Хоть и солнышко шлет ей свой знак.
Светит ярко, слегка пригревает,
Но зима своей власти полна,
Не сдается, не отступает,
Напоследок в безумье она:
То мороз нам пошлет, то ветер,
Словно вновь отправляет в январь.
То закружит вдруг снежной метелью.
Эй, зима, где твой пресс-секретарь?
Почему не доложит, что хватит,
Что уж март на дворе давно,
Что под снегом зеленая скатерть
Ждет весну, а тебе суждено
Уходить на покой. Иль боится
Обозначить он твой конец?
Знает он, как умеешь ты злиться,
Кто под руку попал – не жилец!
Злись – не злись, но пора, дорогая.
А весна тропинку найдет.
Разольется вода голубая,
Снег растает – печаль уйдет.
Зазвенят капель, птичий гомон.
Глаз обрадует первоцвет.
И березки зеленый локон
Снова будет в стихах воспет.
Да, вот так человек устроен:
Верить в лучшее – божий дар!
Мир вокруг многослоен и сложен.
Можно выбрать репертуар.
Выбрать тех, кто с сердцем созвучен,
Кто всегда на одной волне.
Даже, если зимой измучен,

Ждет и радуется весне.
А другие? Что ж пусть проходят,
Не затрагивая струн души.
За окном метель хороводит...
Март. Пятнадцатое. Запиши...

Зима кончается

Эх, завьюжила, земетелила,
Запуржила округу, в снега
Усадила березы и ели,
Соснам шапки одела зима.
 Все засыпала снежной порошею,
 Завела круговерть-карусель.
 Каждый день от души, по-хорошему
 Белоснежную стелет постель.
Все застыло, замерзло, замерло.
На реке только стынь и лед.
И лиловых туманов зарево
Словно в снежное царство зовет.
 Ах, зима, ты еще королева здесь.
 Твоя воля и твой указ.
 Но весенний посыл и вести
 Долетают все чаще до нас.
То вдруг солнце засветит ярко,
То прозрачней воздух, а то
Вдруг сосульки растут под аркой,
Станет жарко вдруг нам в пальто.
 Веток голых росчерк на небе
 Как на ватмане тушью чертеж –
 Четче линии. Громче щебет.
 Воробьев, снегирей – не сочтешь.
Мы вестей от весны ждем с волнением,
Словно завтра нам в первый класс.
Ожиданием чувства в смятение
Каждый год приходят у нас.
 Ждет природа весны пробуждения,

Ждет расцвета, тепла... И мы
В нетерпении и возбуждении
Чуда ждем каждый год от весны.
Чуда радости от возрождения,
Сил, любви, желаний и чувств,
Счастья до головокружения...
Спросишь, сколько мне лет? А пусть
Годы в паспорте прибавляются,
Пусть морщинки и седина...
Просто дни теплом наполняются.
Просто скоро придет весна.

О главном

Срубили деревья под осень -
Старые тополя.
А ветки на землю бросили,
Убрать не пришла пора.
А там зима заметелила,
Укрыла землю в снега -
Одела шубейку белую,
Пока не придет весна!
Земли не замедлить движение.
Март на дворе, и снег
Растоплен весны вторжением,
Недолгий зимы был век...
Весной я по тихой аллее
Знакомой тропинкой шла.
От удивления млея,
Застыла - вот так дела!
Ветки, что брошены были -
Погибель - их участь ясна-
Словно об этом забыли,
А помнили только: «Весна!»
Вложили всю силу в почки.
Вот это желание жить!
Еще чуть-чуть и листочки...

Но нет, столько сил не скопить.
Взяла я ветки с собою,
Поставила в вазу с водой.
Раскрылись почки живою
Ярко-зеленой листвою.
И ароматом весенним
Заполонили дом.
И не осталось сомнений,
В жизни есть главный закон.
Верить очень важно и любить,
И теплом успеть согреть любого.
Просто дать возможность жить,
Своей душой, потратившись немного.

Елена Палиенко (Артамонова) (г.р. 1961)

Родилась в Чувашии, школу окончила в Татарстане. С 1979 по 1983 годы училась на филологическом факультете Елабужского государственного педагогического института. Учитель русского языка и литературы. Ранее печаталась на электронной платформе Стихи.ру. Живет в г. Сальск Ростовской области.

Тепло...

Дети - перья
Моих крыльев.
Внуки - пух
Моих крыльев.
Я никогда
Не замёрзну.

Чудо - осень

Ах, осень,
Разноцветные
Страницы
Твои
Листать
Не устаю...
Сквозь
Просинь
Пролетают
Птицы
Куда - то
В летнюю
Страну...
Ах, осень,

Что за
Наважденье?
Ведь каждый
Знает:
Ты - придёшь,
Но...
Милая,
Прими
Прощенье:
Тебя
Совсем -
Совсем
Не ждёшь...
А ты
Тихонько,
Дуновеньем
Борея
Грозного
Пришла
И тут же
Всё и всех
Затмила:
Так расплясалась,
Так зажгла!
Украдкою
Стащила
Краски
У бедолаги
На пленэре,
Который,
Видя
Лишь потери,
Тебя
Не мог
Живой
Создать...

И на тебе-
Ажиотаж!
Какой
Кураж!
Какой
Кураж!
Ты всю
Палитру
Размешала,
Разбрызгала
И
Расплескала
Куда
И
Как,
И
На кого
Попало!!!
И засмеялся
Мир,
И засветился,
Зажил
Прекрасным
Бабым
Летом!
И для него
Все
Серенькие
Будни
Заполыхали
Разноцветьем!..

Пра-пра-пра дедушкам и бабушкам...

Узнаёте?
Это мы!!!
Правнуки

И правнучки
Из любимой
Страны!!!
Из какой?
Да из детства!
Ну что же вы!!!
Это так просто -
Обернитесь
И улыбнитесь...
И в детство
Своё
Окунитесь...

И это правда!

А весною я - дура дурацкая!!!
Прыгать хочется и обниматься!
И целоваться! Ох! Целоваться!!!
Только бы челюсть не потерять...
А так - то я ничего ещё бабка,
И лет - то мне (я не вру!)-
Ну чуть - чуть лишь за двадцать!

Ах, хулиган ты, ветер!

Дует и дует
Ветер
На
Огромной
Моей
Планете...
Дует,
Сметая
Всё
И вся
На
Белом
Этом

Свете...
Откуда ты,
Злой ветрище?
Отчего
Не жалеешь
Ни богатых,
Ни нищих?
Ах,
И не злой
Ты вовсе?
Успокойся тогда,
Успокойся...
Ты не дуй
На людей
Со злобою,
Не готовь им
Участь
Убогую...
Ты тихонько
Повея утром
Ранним,
Свежим
Наполни
Дыханием,
Подари
Запах солнца
И дождика,
Разбуди
Совсем
осторожно
Ласковым
Своим
Касанием...
И ты
Услышишь,
Ветер,
В любви

Не одно
Признание...

Сегодня в Петербурге первый снег...

*Дорогим моему сердцу людям
Евгении Андреевне
и Николаю Ивановичу Ортиковым.*

Встречаем первый снег по - русски:
И водка под печатью, и закуска!
Пускай метёт, пусть злится вьюга,
Мы выпьем по сто грамм,
Обнимем крепенько друг друга,
Засядем на любимый наш диван
И будем слушать ураган,
Листая в телевизоре программки,
Или альбомчик старый свой
Возьмём, попутешествуем вдвоём
По молодым своим годам!
Что нужно нам ещё?
Ведь мы же рядом!
КАК ЖЕ ХОРОШО!!!

Возвращайтесь...

Осень плачет за окном
Разноцветными слезами...
Где - то там, за облаками,
Журавли на юг летят,
Машут серыми крылами
И кричат, кричат, кричат:
Окликают журавлят,
Чтобы не отстали:
Те хоть стали на крыло,
А ведь дети всё равно:
С виду вроде и большие,
Но не взрослые ещё!

Птицы милые, летите!
Лёгких крыльев вам,
Надёжных кораблей!
Вы уж постарайтесь,
Вы уж доберитесь
Все, родимые,
Все - все, до одного!
А весна лишь только
Засмеётся - будем
Ждать мы с нетерпением
Вас назад,
Потому что, где б ни зимовали,
В дом родной вернётесь
Вы всегда...
За окном рыдает осень...
Низко - низко облака,
Но над ними, точно знаю,
Звёзды светят журавлям,
Путь их освещая...

Под летним дождём

Я сегодня гуляла
Под летним дождём,
Что неспешно
Шуршал по листе...
Было уютно и тихо
В сердце моём,
Легко и светло на душе...
Капельки падали
Мне на ладони
Тёплые, мягкие...
Я гуляла
Под летним дождём,
Детством
Так сладко
Пахнувшим...

Мои фантазии...

На меня смотрела
Гроза...
Её чёлка вихрилась
Слегка,
Её губы кривила
Ухмылка,
А трубка,
Прилипшая к ним,
Выдувала с водой
Облака...
Было мне жутковато,
Когда
Косматая эта
Гроза
Смотрела в упор
На меня!

Евгений Поспелов (г.р.1950)

Поэт, фотохудожник. Обучался на физико-математическом факультете Елабужского государственного педагогического института. Автор поэтических сборников «Вполголоса» (2001 г.), «Крылатый ковчег» (2010 г.). В 2020 г. реализован художественно-поэтический арт-проект «Силуэты». Лауреат Литературной премии имени Марины Цветаевой (2010 г.). Живет в Елабуге.

Прикинь, Наталья!

Н.А. Вердеревской

Когда тебе за шестьдесят,
Стихи как костыли кривые:
Итог, однако же, сестра...
И старость – как смешно! –
Впервые...

Впервые планов чехарда
Горбам негаданным подобна.
А ниже –
Новая беда:
Звучанье музыки утробной.

Не то, что надо, сдуру съел,
Что надо, позабыл, не выпил.
Не так упал,
Не так присел –
И на три дня из жизни выпал...

Для сердца и для живота
Проста диета, хоть не модна:
Страсть,

Как протёртая еда,
Приятна, но уже бесплодна.

И смерть,
Что раньше по следам
Твоим запутанным плутала,
Теперь мелькает здесь и там,
И ждёт паскудного сигнала.

И вдохновения страда,
Прикинь, сестра,
Уж не эстрада,
А всё ж и ей душа так рада,
Что пыль словесная –
Награда
За миг предсмертного труда...

О мимолётном – монументально

Мне трудно жить.
Не потому,
Что мал доход и хворь объёмна,
Что постаревшему уму
Всё видится пустым и тёмным.

Не потому,
Что ход часов
К конечной близится развязке,
Что сила связок и узлов
Становится больной и вязкой.

Мне трудно жить в незримом зле,
В необозначенном упадке,
Когда,
В заброшенном селе
Упав на свеженькие грядки,
Сгорает старый человек
Без смысла и упокоенья.
И самый умный,

Новый век
Увы, не мучают сомненья.

Мне трудно быть таким слепцом
(В особенности добровольным),
Который с каменным лицом
Идёт себе путём окольным,
Не заморачиваясь
На
Перевороты и потопы,
На кучи трупов и дерьма,
На свой смешной подпольный опыт –
Скрываться в складках звёздных штор
От обывательских ухмылок,
Бежать в луга во весь опор,
Когда прицелилась в затылок
Витиеватой скуки блажь:
Усердный труд по усреднённо
Миропорядка,
Где типаж
И есть герой преодоления!..

Мне трудно жить!..
Мне странно знать,
Что даже новое столетье
Не может бьющихся унять
Ни хлебом, ни вином, ни плетью.

Не может страждущим помочь
Не в силах буйных – успокоить!..
Вся человеческая мощь
Всего-то – зеркало кривое.

Всё тот же наш подход – солгать:
Пообещать приход мессии,
Из шляпы – кролика достать
Из книжки – средство амнезии.

И крупный бес, и мелкий бес

Как прежде, при делах сегодня!
Но не остановим прогресс:
Жизнь всё страшней и безысходней.

Блудный сын своей эпохи

Не суетись, наивный самоед.
Ответов нет. Да и вопросов нет!
 Невозмогу? Остановись, послушай.
В квартире приберись. Сходи в народ.
Он для тебя кликуху подберёт.
 И ты увидишь собственную душу.

Смирись. Про отраженья в зеркалах
Ни Яхве не расскажет, ни Аллах.
 Ты это ты. Не думай про подобье...
Сними киношедевр, придумай хит.
Смени в окошке надоевший вид.
 И не смотри на ближних исподлобья.

И уходи. Куда глаза глядят.
Где даром лишней корки не съедят
 Где слово словно выжатая губка...
И возвращайся. Сытым ли, святым –
Каким угодно, только не пустым,
 Как позолота высохшей скорлупки.

Правота веры

Смотрю в окно и вижу дивный мир,
Где каждый сам себе царь и кумир,
 Где остальные либо дураки,
 А лучше если звери и враги!

А лучше, если рухнет мир и свод,
И на том свете лучших соберёт,
Чтоб вечность подарить бойцам уставшим,
Мир стёршим в порошок и в битве павшим!

Чтоб, глядя из цветущих райских роц
На плоть гниющую и на кислотный дождь,
 Не опустить в отчаянье главы,
 А проорать: да, были мы правы!!

Эпоха моих перемен

Рахиму Гайсину

И преданность, и безрассудство,
И трезвость тёмная, и пьянство,
Приверженность к непостоянству,
К эксперименту и беспутству,

Всё это будто бы с обновки –
Не изнашивалось и не смялось!..
Со мною вместе смерть смеялась,
Когда я шёл по самой бровке
Дороги, где эпоха мчалась.

Летя легко, напропалую,
Сквозь лихолетья и мытарства,
Сметая города и царства
Под жалкий вой и аллилуйю,
Эпоха и меня задела,
Постригла и перепахала,
Потом посередине зала
Со мной мои же песни пела.

И вот я на седьмом десятке,
Впадая в ясность, словно в пьянство,
Пью как лекарство – постоянноство,
Но хаос чувствую в осадке.

Все грешники – в домах стеклянных.
Все странники пришли в обитель.
На привязи змей-искуситель...
А я – в сомненьях окаянных:

Невыносимое – терплю.

Почти невидимое – вижу.
Всё созданное – ненавижу...
И выжившее всё – люблю!

Безответные души

Душа отчаялась найти
Один ответ на все вопросы,
Пыль мыслей и словес отбросы
И впереди, и позади.

Духовный мусор словно грязь
То растекается, то липнет,
А то влечёт нарядным клипом,
Невинной похотью искрясь.

Соблазны как цветы зовут
Принюхиваться и влюбляться
И хаосу уподобляться
И славить плоть, и тешить зуд...

Да, жить грешно. И быть – грешно!
И понимать, что нет ответов
Придуманных или пропетых –
Не всем ли это всё – равно.

И там, где сходятся, устав,
Остатки мыслей бесполезных,
Есть упокой для душ болезных,
При жизни не имевших прав
Ни с богом спорить, ни служить
Отчизне правдою и верой!

Им в этой моровой каверне
И выпало безмолвно жить...

Я живу на войне

Всё терпимо вполне.

Я живу на войне.
Я живу между будет и было.

Я хожу по словам,
По домам и гробам,
По тому, что прошло и остыло.

Подо мною покос,
Надо мною погост
Сумасшедших идей и воззрений.

Я живу на войне,
Что прилично вполне
Для эпохи тотальных сомнений.

В этом доме война.
А в другом – тишина.
А в моём не бывает и солнца

Но картинки войны
Отовсюду видны –
Кровь людская водицею льётся.

Я живу на войне,
Что внутри и во вне.
Не живу я – почти умираю...

Этот мир не сберечь,
Если мысли и речь
Не отличны от брани и лая.

Опять ко мне идёт война

Опять ко мне идёт война.
Издалека идёт и скрытно.
Её полков ещё не видно,
Расцветка флагов не видна.

Но крадучись, как первый снег,
Почти беззвучно и с улыбкой
Ползёт война по тверди хлипкой,

Как сумасшедший человек.

И никому не объяснить,
Что кровь людская не водица.
Что дракой правды не добиться,
Как водкой горе не залить...

Ко мне опять пришла война.
Я не стреляю, не взрываю,
Я к богу ветхому взываю:
Мне эта бойня не нужна!

И сатанею от побед!
Мой враг невидим и коварен:
Как вечный раб, как новый барин,
Явился он опять на свет.

Сто раз его я побеждал
И он сто раз преображался:
Миролюбиво улыбался
И уходил в сырой подвал...

Он телом юн, башкою сед,
Умом остёр и языком он
Владеет лучше, чем поэт
В венце алмазном с Геликона.

Он ловко стравливает плебс,
Манипулирует элитой
Аргументацией избитой
Как бы насущный дарит хлеб!

И должен снова я считать
Врагом – вчерашнего соседа.
И другом – дальнего зловеда,
Чтоб беспощадно воевать...

Ко мне опять пришла война.
Она в окно и в дверь стучится...
И ужас в образе Пречистой
Встаёт, как пламени стена.

Я очнулся под ржавой травой

*«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте...»*

Александр Твардовский

Я очнулся под ржавой травой,
Как под Ржевом убитый солдат.
Над тяжёлой моей головой,
Как салют, догорал звездопад.

Я услышал глухие раскаты
Мне неведомых залпов и гроз,
Я увидел как снова солдаты
По команде встают в полный рост,

Как осколки и пули срезают
Словно цвет васильков – пацанов
Как глаза набухают слезами
У ещё не родившихся вдов...

Я проснулся от странного гула
Что промчался над мёртвой зарей,
И сквозь сжатые веки и скулы
И сквозь череп, забитый землёй,

Вырывались тревожные звуки
Бесконечно знакомой мольбы:
Пусть не ведают дети и внуки
Нашей ратной, великой судьбы...

Кости собраны в грязную кучу,
Каска, фляжка, ремень, ППШа...
И Валькирии образ летучий,
Как висящая в небе душа.

Эдуард Брусков (г.р. 1962)

*Окончил филологический факультет
Елабужского государственного
педагогического института (1984).
В настоящее время - специалист
экспозиционно-выставочного отдела
Выставочного зала Елабужского
государственного музея-заповедника.
Публиковался в газетах «Новая
Кама», «Вечерняя Казань», «Вечер
Елабуги», в литературном альманахе
«Университетский Парнас».
Живет в Елабуге.*

* * *

Листьев шорох ты слышишь движения?
В этом голом, весеннем лесу
Уже прячутся их привидения,
Словно ищут кого-то иль ждут.
Обитаема грусть, с каждой тенью
С каждой слабостью ближе недуг
Затаенного в сердце волненья –
Ощущение близости мук.
Все черней, всё податливей звенья
Зимних стуж, все пленительней хор
Забродившего в кронах томленья,
Всё тревожней весны приговор.

* * *

Я полон тобою –
В немеркнувшей крови колышутся песни, -
То в золоте челны ветров ожидают,
В роскошных бутонах мечты мои зреют,
Рискуя разлиться опасной стремниной.
Я сам превратил это небо в колодец,

Все звезды немые сбросив в пучину.
Я полон тобою - теперь утверждаю,
Чтоб сердце моё одиноким казалось.
Немыслимо думать о том, что в нём бродит,
Немыслимо с ним говорить или спорить,
Пусть раны чужие оно освещает,
Пусть сердце чужие страдания знает -
Я полон тобой и это мгновение
В сравнении с тем, что во мне возникает:
Все капли густые от мертвого света
В колодец стекают, мой мир обнажая,
Не внемля молитве чудесной забвенья,
Я знаю, что вскоре я стану тобою.

Инъекция ночи.

День засыпает и властвует ночь,
Под сердцем у ночи лунная дочь,
Под сердцем у дочери бьется полна
Звездами звонкими теплая мгла.
Вспышками дальними взгляд увлечен,
Млечной тропой скользит тихо он,
Недосягаем уму и тебе,
Странник неведомый, вечно в себе -
В недрах, под ночью, скрывается суть.
Лишь сердцу доступно дыхание ее,
Но сердце беспутно и знать не дает,
Глупой печали в нём бьется волна,
Часто дрожит и стенает она,
Мысль убегает всё дальше в себя,
Взгляд возвращается, слёзы студя,
Странник уходит, восходит заря,
Звёзды растаяли, меркнет луна.
Странник с собою уносит меня,
Утро вступает, меня не найдя,
Солнце взошло, осветило луга -
Где же я? Странник похитил меня.

* * *

Смотрю, как дышишь ты,
Как улыбаешься и плачешь,
Как быстро умерли цветы,
И как смущение поспешно прячешь
При виде их поблекшей красоты.
- Прости, мой милый, я не вечна,
Ты тайну древнюю постиг:
Для тех, кто жив – жизнь быстротечна,
Для тех, кто любит, - краткий миг.

* * *

Есть некий миг в сознании бессилья,
Когда неукротима боль -
Ни прелесть глаз твоих,
Таинственных, всесилье
Уже не властны надо мной.
Всего лишь миг –
И станет всё случайным:
Те жизни, что любовью обручал,
Те дни, когда я был печальным
И даже ты, о ком моя печаль.
Лишь миг всего,
И будет как вначале:
Трава и свет
И нет меня во всём –
Как будто ничего не означали
Все двадцать лет,
Что в облике моем.

* * *

Я, может быть, умер иль заперт под кожей
В безлюдных местах своей памяти ложной,
Где кровь моя больше меня не тревожит –

Течет где-то рядом вглубь жизни чужой –
Иные желанья и облик иной,
И чудится голос в мечтаньях другой
На той же тропе, где мне чудился твой.
Теперь ты одна, как и я – в заточенье
Мы оба – ты – свет мой и я – воплощенье
Той жизни, что стала навеки иной -
Я истинный умер, теперь я другой,
Я тот, кто теперь разминется с тобой,
В чьем сердце всегда будет голос не твой,
Но ты не узнаешь об этой измене.

Мария Прохорова (г.р. 1986)

В 2016 г. закончила факультет русской филологии и журналистики Елабужского института КФУ по специальности «Русский язык и литература».

В настоящее время ведёт занятия в музыкальной студии в Центре помощи детям-инвалидам г. Алатыря, Чувашская Республика.

Кроме литературного творчества занимается переводом стихотворений с татарского и английского языков и написанием песен. Секретарь Татарстанского регионального отделения Российского союза писателей, член литературного объединения «Вектор слова». Публикации: в сборниках «Кладовая поэзии», «Подарок детям», «Вдохновленные краем родным», «Светоч», «Регионы – 2018», «Осенний свет», «Раненое эхо». Редактор и составитель сборников писателей Юго-Востока Татарстана «Вселенная творцов», «Братство пера». Живет в г.Алатырь.

Кошкин дом

Где же, где же кошкин дом?
Кошки думают о том.
Бродят грустно по дворам
По ночам и по утрам.

В окна светлые глядят,
Где смеются и едят.
Там натопленная печь,
Там спокойно можно лечь,

Скушать жирный холодец.
Замурлыкать, наконец,
За игрушкой побежать
И от страха не дрожать.

А в заброшенных домах,
Может быть, пушистых тьма.
Но заходят через щель
Снег с дождями и метель.

И людей бездушных рать
Может с яростью прогнать.
Да побить ещё потом...
То ночлежка, а не дом.

Кто способен, кто готов
Пожалеть бродяг-котов?
Принести поесть, попить,
Как детишек их любить?

Если будем мы добрей,
Бог поможет нам скорей,
Осенит любви крылом,
Сохранит своим теплом.

Каждой кошке нужен дом...
Мама, кисок заберём?

Ромашки

Ромашек белые цветы,
Как девушек ресницы,
Полны добра и чистоты,
В них вся любовь хранится.

Нарву для близких я букет,
Душистый белоснежный.
Пусть в каждом доме будет свет,
Пусть будут мир и нежность.

Семейный кораблик

В мире нет семьи дружнее,
Для меня всего важнее.

Как кораблик в море бурном.
Папа – правит, мама – штурман.

Я и братья – мы матросы,
Радость, мир в семью приносим.
Пусть плывёт кораблик смело,
Ведь для каждого есть дело.

Вездесущий хмель

Шишки хмеля ароматны
И на ощупь так приятны.
С хмелем мягкую подушку
Положу себе под ушко.

В герб Чувашии проник
Этот смелый озорник.
А ещё отвар из шишки
Для волос полезней стрижки.

Одуванчики

На траве лежат монетки,
Цвет их ярко золотой.
Но купить на них конфетки
Невозможно ни одной.

Одуванчики, родные,
Нет цветам таким цены,
Потому что озорные
Вы посланники весны.

Мой Пушок

У меня котёнок – крошка.
Я зову его Пушком.
Дома морщит он дорожки,
Пулей носится с клубком.

И на шкаф запрыгнет смело,
И забьётся под кровать.
Мне с моим дружочком белым
Очень нравится играть.

У ребят на телефонах
Есть пушистые друзья:
Хомячки, щенки, котята,
Но погладить их нельзя.

Мой Пушок в кошачью миску
Весь ныряет с головой.
Самый тёплый, самый близкий,
Потому, что он живой.

Цыплёнок Боря

У меня цыплёнок Боря.
Очень я его люблю,
И зерном его отборным
С удовольствием кормлю.

Ходит следом он за мною,
Только выйду погулять.
Чудо жёлтое, родное
Невозможно не обнять.

Помурлычем вместе

У меня есть кошка Даша.
Очень я её люблю
Я её по шёрстке глажу,
С удовольствием кормлю.

Замурлычет Даша звонко,
На колени тут же – прыг.
Ни уйти, ни сесть в сторонке
Невозможно в этот миг.

С шелковистой чёрной шерстью,
И глазами, как топаз...
Так приятно с Дашей вместе
Помурлыкать всякий час.

Мир без войны

Мне снился сон, что нет войны,
Что прадеды и деды живы,
Что все друг в друга влюблены,
Снарядов не слышны разрывы.

Мне снился сон, что все чисты,
Что битвы нет за выживание,
Одно во всех горит желание:
Растить детей, сажать цветы.

И солнце, рассекая тьму,
Мир светом наполняет снова.
Я просыпаюсь... Столько злого
Творится в мире! Почему?

Земля растерзана, увы,
Как именинный торт на части,
И жаждут волки, жаждут львы
Богатств несметных, денег, власти.

Жаль, обесценен человек,
Подобен пыли он дорожной,
И жизнь его, как дождь иль снег,
На всех ветрах развеять можно.

Но в силах наших заглушить
Безумья ритмы на планете,
С любовью жить, любя творить,
Чтоб на Земле рождались дети.

Русский язык

Язык наш русский как родник:
Журчит, играет, серебрится.
В нем мысль отобразится вмиг,
В нём мир сверкает и искрится.

С ним познаёшь ты всё вокруг:
И солнца свет, и хлад осенний,
Раскроет тайну каждый звук,
Как Блок писал, как пел Есенин.

Сказать о чувствах – волшебство,
Они волной из сердца льются.
Но, друг, поверь, что для всего
Слова у русского найдутся.

Знай, Словом можно исцелить
И вдохновить, расправить крылья.
А можно замертво свалить,
Ростки надежд засыпать пылью.

А потому сберечь сумей
Могучее родное слово,
Что дух народа и основа,
Ведь клада не найти ценней.

Собору Усекновения главы Иоанна Предтечи

К заутрене звонят,
Звонят колокола,
Так на душе легко
От предвкушенья встречи.
Как тёмный малахит
Сияют купола,
Как ангел бел собор
Крестителя Предтечи.

На Сурском берегу
Столетий пять назад

Царь грозный Иоанн
В честь славного святого
Построил дивный храм,
Вокруг Алатырь-град.
Но тлен познал собор
И возродился снова.

Храм Стенька Разин жёг,
А гордый Пугачёв
Расправы здесь чинил
На площади Базарной.
Но он рождался вновь,
И зелень куполов
Сверкает средь с небес
Улыбкой благодарной.

К заутрене звонят,
Звонят колокола.
Так на душе легко
От предвкушенья встречи.
Как тёмный малахит
Сияют купола.
Пусть храм хранит Господь
Крестителя Предтечи!

Снег летит

Над сосновым органом звенящим,
Над хрустальной песней ключа
Снег летит... Он живой, настоящий,
Все обиды и боли леча.

Над белёными сводами храма,
Над мечети луной золотой,
И над домом, где ждёт меня мама,
Помолясь у иконы святой.

По рябинным несётся аллеям,
Окаймляя поля и леса,

И становятся души белее,
И светлее, и чище глаза.

Пусть же высохнут слёзы на лицах,
Пусть найдётся живая душа,
С кем возможно мечтой поделиться,
За скатёркой присев не спеша.

Пусть желанья исполнятся скоро,
Пусть наполнятся светом дома.
И забудутся склоки и ссоры,
Пусть их снегом покроет зима.

Над сосновым органом звенящим,
Над бессонною песней ключа
Снег летит...Он живой, настоящий,
В сердце каждой снежинкой стуча.

Просветителям славян посвящается...

Славься, письменность славян,
Имя Бога прославляя!
Как молитва ты живая,
Прочь врагов гони от стран.

Пусть из букв летят слова,
Словно тысячи мелодий.
Славьтесь же, Кирилл, Мефодий, –
Ваша Азбука жива.

Слава знанию, что вы
Подарили всем славянам,
Разнесли по многим странам,
В мыслях и делах правы.

Пусть из букв летят слова,
Словно тысячи мелодий!
Славьтесь же, Кирилл, Мефодий, –
Ваша Азбука жива.

Моя крёстная

Что за пение альтовое
Раздаётся по утрам?
Тётя Зоя, петь готовая.
И звучит: «Парам, парам!»
Мне даёт советы важные:
«Ты за творчество держись!»
Моя крёстная отважная.
«Зоя» это значит «жизнь».
Упражнения спортивные,
Чай с душистою травой...
Очень бодрая, активная,
В жизни ангел добрый мой.
Выступает часто с песнями,
Веселит односельчан,
Сказки внукам интересные
Всем расскажет по ночам.
Любит лес, цветы весенние
И пушистого кота,
В храме просит о спасении
Всех родных своих Христа.
И в беде поможет каждому,
Дом гостям всегда открыт.
С крёстной так светло, и правду же
О ней имя говорит.

Несу в сердце

Я люблю тебя, Боже,
За зелёное море лесов,
За прохладу на коже,
За беспечное уханье сов.

За любовь без ответа,
За дождливую рябь на стекле,
Что под песни рассвета
Босиком прохожу по земле.

За объятия близких,
За тревожную сладость в груди,
Мирным лепетом листьев
Тихо шепчешь: «За светом иди».

Будишь солнышком рано,
Провожаешь берёзой в лесу,
Бог, кудряшкой саранки
Через мглу тебя в сердце несусь.

После паломничества

Небо голубое-голубое,
Словно Богородицы покров.
И берёзы шелест – шум прибоя,
Лес – как сотни радостных хоров.

Предвещает счастье пенье птичье,
И тропинка каждая мила,
Добрый дуб, исполненный величья,
Просит, чтоб я рядом с ним прошла.

Обнимаю ствол его шершавый,
Просьбы бы до Бога донести:
«Всем заблудшим душам дай путь правый,
Кто изранил сердце – всех прости.

Дай же сил утешить тех, кто плачет,
Дай мне веру крепкую в скорбях...
Пусть всегда у нас дрозды судачат
О красе гнездовой на ветвях.

Неба плат расстелен над дубравой,
Словно Богородицы покров.
Ты сияй, Пречистая, со славой,
Защити Россию от врагов».

Осень в Алатыре

Ни к чему мне гремящее злато,
Что людей превращает в зверей,
Я в Алатырь, в Алатырь, в Алатырь
Прибегу, прилечу поскорей.

Там опустится с неба седьмого
Прямо в руки краюшкой луна,
В мягких волнах вечернего звона
На минутку растает она.

Толстокорая старая ива
У пруда возле храма шепнёт:
«Ну-ка, в тень, я густа и игрива,
Чуткий страж заболоченных вод».

Ах, как ветер гудит в колокольне,
Всё колебля: и стены, и пол!
Мне и горько, и сладко, и больно,
Ведь Христа предо мною Престол.

И земля, вся в листве и в хвоинках,
Уж готова к объятьям зимы.
О, Алатырь, могучий, былинный,
Хорошо, что увиделись мы.

Алатырской Церкви в честь Рождества посвящается.

В переулке с травой нескошенной
Храм стоит одинокий, заброшенный.
У него купола – небо ясное,
Там чиста и светла песнь негласная.

И поёт там Господь с Херувимами
Над святыми, родными руинами.
А у каждой стены с переходами
Любят ветры кружить хороводами.

Двести лет он звенел колокольнею,

Гости в город въезжали довольные:
Белый храм Рождества, страж Алатыря,
Пел благие слова Божьей Матери.

Годы шли, храм закрыли со временем.
Для советских людей был он бременем.
Лимонад там и пряники сладкие
За кирпичную делали кладкою.

Ну а дальше забвение серое.
Приходи же сюда, путник, с верою.
Отлетят от души злые молнии:
Здесь живёт сам Господь, здесь намолено.

Алатырская ночь

Грустна Алатырская ночь...
Пью свет луны, как будто зелье,
И сердце устремляю прочь,
От слишком бурного веселья.

Луна из радуг шаль сплела,
И по церковному уставу
Её накинув, поплыла
Неторопливо, величаво.

С небесной горней высоты
Лучи, играя, отпустила,
И лики тихие святых
В пустынных храмах осветила

Посеребрив седую прядь
У одинокой старой ивы,
Шепнула: «Ни к чему страдать,
Вы так заманчиво красивы».

Коснулась лиственниц вершин,
Их хвои потрепала злато.
Увидеть ночью поспеши
Червонный сказочный Алатырь.

Свеча

Меня знобит, но я иду сквозь град,
Несу свечу в руках в объятьях ночи.
За путь наградой будет светлый сад,
Надеждой загоревшиеся очи.

А ветер прикоснуться норовит
К свече дыханьем губ своих солёных,
А у меня такой усталый вид,
Что все бы рассмеялись изумлённо.

С волос упала шерстяная шаль,
Глаза слезятся и устали стопы,
Я заблудилась, а часы спешат..
За трудный путь наградой будет опыт.

А сосен хор встревоженно шумит,
Высокая трава стоит забором.
И дуб высокий, что свой ствол прямит,
Глядит мне вслед с отеческим укором.

Я песню, да погромче запою,
И распугаю дьявольские силы,
Дойду, дойду, хоть сто потов пролью,
Свечу зажгу, что ветром погасило.

Лилия Равилова (г.р. 1998).

Студентка третьего курса отделения филологии и истории Елабужского института КФУ. Родилась и выросла в Казахстане. С 2019 года проживает в Елабуге.

* * *

*Но где-то, усеявши неба покатошь,
Не ведают звезды беды,
И ты - голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.*

*Аветик Исаакян
«Душа – перелетная бедная птица...»
(Перевод Б.Пастернака)*

О той звезде твердили люди,
Что свет её лукав и зол,
Манит, как пение сирены,
Чтоб путник в миражи забрёл.

Её хулили, говорили,
Что бесполезней нет людей,
Кто каждой ночью, как бездомный,
Среди травы следит за ней.

И чтоб забыть о звёздном свете,
Что светит странно и светло,
Народы в землю опускали
Окаменевшее чело.

А я из тех, кто ночью входит
В подлунный неземной чертог,

И ищет среди туч полночных
Раскрытый огненный цветок.

И он меня манит неясно –
Не как сирена, как мечта! –
И жизнь пуста и безнадёжна,
Покуда не взойдёт звезда.

Пусть мир твердит о злом соблазне
И ищет счастье на земле,
Но я не знаю, что прекрасней,
Чем радость о моей звезде.

Пусть на неё давно не смотрят,
А я вослед за ней иду.
Она одна меня прощает
И только в ней я расцвету.

* * *

«Птицы белые, почему так стремительно вы
Улетаете вдаль, на просторы южные?
Оставайтесь! Укроем от снежной зимы
Ваш лебяжий пух и перья жемчужные!»

Птицы белые в небе сказали в ответ,
Прокричали, паря в высоте бесконечной:
«Обещанья щедры, да обманны они,
Оттиск мёртвой зимы на земле этой вечно.
Ваши души пусты, холоднее, чем снег,
Дети стонут одни, старики позабыты,
А в домах – нет, не плач – обезумевший смех;
Вас оплакивать станут лишь ветви ракиты».

Этот крик белых птиц отзывался во мне,
Опадали снега безглагольным укором,
И стрельчатые крылья в небесной дали
Безвозвратно летели к далёким просторам.

* * *

*И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!*

А.А. Блок «Сны»

День выпорхнул, как птица,
За которой следила я в стремлении поймать.
Каким бы ловким не быть птицеловом
Она не дастся, скроется – пить дать.

Мне не хотелось бы неволить крылья,
Я ненавижу клетки и замки,
Но день и птица, луч и трепет крыльев,
Как хлеб, вода и чудо мне нужны.

Вот ночь приходит, птица улетает,
Не обещая снова прилететь.
Иные крылья веки закрывают,
Прообразуя будущую смерть.

И не боюсь проститься с жизнью этой,
Не горько смолкнуть во владеньях сна,
Но жаль, что голос птицы серебристой
Пророчил то, чему во мне не сбыться.

И я пуста.
Ни чуда, ни крыла.

* * *

Который вечер каплет дождь,
Ноктюрн загадочный играя.
Раскрыв окно и погасив
Свет, музыке живой внимаю.

Пронзительный аккорд звенит,
Срываясь с веток старой липы,
И фальшь, и ложь, как пыль с земли,
Мелодией чистейшей сбиты.

Ах, если б каждый, каждый миг
Был полон этой чистотою,
Тогда, наверно, я давно
Была бы найдена тобою...

* * *

Свеча, иссякая, быстрее сгорает
Огонь реет бабочкой над фитильком.
Так сердце моё, растревожась, пылает,
Оно ничего ещё в жизни не знает.
...А бабочка машет крылом над огнём...

* * *

Вот и выпал снег,
И осенний всполох
Погребён под ним,
Изнурённый в спорах.

Выпал первый снег,
Как цитата в книге:
Время всякой вещи
Под луною в мире.

В ясном и простом
Вальсовом круженье
Снег сулил земле
Радость обновленья.

Рея и дрожа
Светом перевозданья
Изошёл слезой
Под моим дыханьем.

* * *

Каждый раз первый снег,
Словно чудо иного –
Это перья спадают с крыла неземного

Шестикрылого стражника, что в поднебесье
Освящает наш мир еле слышною песней.

Сказке вьюг и снежинок я верю по-детски.
В свете свечек фонарных – нельзя наглядеться! –
Звёзды? Бабочки? Кружатся стройно,
И душа убелилась,
И дышит спокойно.

О Святой Серафим, не спеши улетать!
Пусть не кончится чудо, и будут спадать
Звёзды-перья твои на земные поля,
И хранит наши души молитва твоя.

* * *

О маме
Я помню маленькую мамину ладошку,
Шершавую, всю в меловой пыли,
И тёплую, как летняя дорожка,
Где мы с велосипедами прошли.

Вокруг был лес, загадочный и добрый,
Шумел и пел ветвями на ветру,
Как птицы, в небо рвущиеся песни.
Их повторить теперь и не смогу.

Я помню, как внезапно две косули
Летающим и стремительным движеньем
Промчались мимо, травы всколыхнули
И были будто нашим отраженьем:

Косуля-мать заботливо-пугливо
Детёныша собою прикрывала,
А он легко и смело прыг за нею! -
Совсем не страшно, если рядом мама.

Как оленёнок, под руку ласкаясь,
Вдыхала я родной и мягкий запах,
Биенье сердца рядом ощущала -

Таким надежным мне оно казалось!

Такой невероятно разлука
И невозможным тихое прощанье.
И опустевшим дом, где так недавно
Она была, любила и смеялась.

Я помню маленькую мамину ладошку,
Шершавую, всю в меловой пыли,
И тёплую, как летняя дорожка,
Где мы с велосипедами прошли.

Тот лес, я знаю, всё такой же добрый -
К большому небу песня полетит,
И в мягких травах тёплый оленёнок,
Прижавшись к маме, сладко засопит.

Проза

Талгат Галиуллин (г.р.1938)

*Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент*

АН РТ, действительный член

Российской гуманитарной академии.

*Заслуженный деятель науки РТ. Старший
научный сотрудник Центра изучения
традиционной культуры Министерства
культуры РТ.*

*Автор более 400 научных работ, в том
числе 12 книг и монографий, активно и
плодотворно занимается литературным*

*творчеством. Является автором двух романов, десятка рассказов
и публицистических статей. Член Союза писателей СССР и
Республики Татарстан.*

*Более 20 лет работал в Елабужском государственном
педагогическом институте. С 1971 по 1986 годы –
в должности ректора.*

Живет в Казани.

Спид и любовь

Широко открыв тяжелую дверь, Рауф прошел в магазин. Однако пройти через вторую дверь было не суждено. На ней – живой замок: в проеме стояла молоденькая продавщица. В переводе на простой человеческий язык это означало: продовольственный магазин закрыт, холостой мужчина на ночь глядя остался без хлеба и катыка. Девчонка, одетая в бледно-голубой халат из грубой льняной ткани, стояла, отвернувшись от входа, и лузгала семечки. Полностью отдавшись своему занятию, забыв обо всем на свете, она с упоением плевала на пол. Шелуха от семечек, как новогодние снежинки, тихо ложилась на мраморный пол.

Стоявшая на вахте продавщица загораживала проход ногой. Зная толк в женщинах, старый холостяк своим наметанным глазом сразу усек, что нога, выглядывающая из-под халата,

длинная и стройная. В ушах у нее – не то золотые, не то медные (в этом он не разобрался) большие дугообразные серьги.

Рауф некоторое время потоптался возле живого замка, но не был удостоен ни малейшего внимания. Черно-белые снежинки, действуя на нервы, продолжали равнодушно ложиться на пол.

Вдоволь налюбовавшись неожиданно представшим перед ним живым изваянием, Рауф вдруг почувствовал раздражение:

– Пройти можно?

Девушка обернулась. Сверкнули глаза. Голубой цвет сменился бирюзовым.

– Магазин закрыт. Не видите что ли?

– Но до семи еще пятнадцать минут.

– А мы обеденный перерыв сократили. Девушка отвернулась и продолжила свое занятие. Рауф не стал умолять, упрашивать. Но и отступать не хотелось. Говорят, повернувший вспять не дойдет до двери. То, что произошло дальше, Рауф ни за что не смог бы объяснить, если даже воскресший из мертвых Берия учинил ему допрос со страшными пытками. То ли не доставшийся кактык в голову ударил, то ли бес попутал, то ли судьба... Будто кто-то кольнул под лопатку толстой иглой.

Рауф с быстротою мартовского кота подскочил к девушке и крепко поцеловал ее. Значительная часть равнодушного лица с разгоряченными от семечек губами почти целиком ушла в его алчный рот. «О, боже, я пропал! - успело мелькнуть в голове у Рауфа, - сейчас она своей сильной красивой рукой влепит пощечину или отпечатает след от импортного сапога у него на мягком месте, чего доброго, еще и милицию вызовет. Как назло, изо рта вином пахнет...»

Однако события приняли совсем иной оборот. Девушка схватила Рауфа за шкуру и поволокла внутрь магазина.

– Девчата, девчата, все сюда! Я вора поймала! - заверещала она, как попавший в капкан зверек.

Продавщицы, уставшие целый день стоять за прилавком, не особенно интересуются мировыми проблемами, зигзагами поли-

тической жизни, но им нужно именно такое ЧП бытового уровня. Все с готовностью сбежались.

– Что случилось?

– Что он украл?

– Что ты шум подняла, Зельфа? Продолжая крепко держать Рауфа за воротник, девушка с возмущением объяснила:

– Вот этот мужик набросился на меня и насильно поцеловал. Унизил мое человеческое достоинство, нахал!

Воцарилась тишина. Десятки глаз, черных, серых, зеленых, голубых и еще каких-то, кто с интересом, кто с любопытством, осмотрели Рауфа с ног до головы. Выше среднего роста, круглолицый, черноусый молодой мужчина большинству, кажется, понравился.

Рауф, однако, слегка струсил. А вдруг примутся дружно его колошматить, ошиплют, как петуха, как это случилось с шолоховским героем Давыдовым. Что тогда? Тут уж не до шуток. Но продавщицы, кажется, не собирались пачкать руки об какого-то слегка подвыпившего мужика. Руки им нужнее для взвешивания масла, мяса, колбасы и для подсчитывания дневного калыма.

Поднялся галдеж. Как известно, семьдесят процентов всех казанских продавцов – женщины, а восемьдесят процентов из них – мишарки. Ну а эти-то в карман за словом не полезут. Острое словцо всегда готово у них слететь с языка.

– Дура! Да если бы такой мужчина меня даже изнасиловал, не то что поцеловал, я бы только спасибо сказала.

– Да ты что, белены объелась, что ли? Че орешь-то?

– Посади свинью за стол, она и ноги на стол. Бестыжий! Отправь в милицию!

– Подумаешь, обнял, поцеловал. Что от тебя, убыло, что ли?

– Зельфа, от судьбы не уйдешь! Видно, пробил твой час!

Вволю почесав языки, продавщицы разошлись по местам. Кажется, и Зельфа устала держать Рауфа за воротник и отпустила его. Но сама далеко не отошла. Да, красавицей ее не назовешь, но в ней есть какая-то изюминка, которая щекочет мужские не-

рвы, разжигает аппетит, образуя вокруг поле, которое притягивает. Будто медом намазано.

– Ладно, идите. Больше мне на глаза не попадайтесь.

Но Рауфу не хотелось покидать это ее поле. Да и хмель добавляла храбрости.

– Может, мне вас проводить?

– Ну да, только этого не хватало. Мой парень должен за мной зайти. Будет лучше, если вы не встретитесь. Для вас же...

Тут Рауфу в голову пришла откровенно наглая мысль, которая в конечном счете оказалась гениальной, потому что перевернула всю его жизнь и одарила посланным с неба счастьем.

– Ладно, сестричка, прощай. Только я должен тебе кое-что сказать, – начал он вкрадчиво, дотрагиваясь до рукава ее халата и отводя немного в сторону. – Зельфа, мне стыдно об этом говорить, но и не сказать не могу. Знаешь... я ведь сдуру поцеловал тебя. Кажется, и губ коснулся.

– Ну, – раздраженно перебила девушка, недовольная напоминанием об этом.

– Я только на прошлой неделе вернулся из Уганды. Прошел медосмотр. Врачи установили, что я ВИЧ инфицированный, т.е. у меня возможен СПИД.

– Что-о?! – Девушка не заметила, как вскрикнула. Глаза ее вспыхнули. Кровь схлынула с лица и прилила к ступням.

– Тише. Не кричи, подруги услышат. Останешься без работы и без мужа. СПИД легко передается через поцелуй и даже через дыхание.

– Боже, за что мне такое наказание?! Только этого мне не хватало. И зачем только я не послушалась родителей, зачем я уехала из деревни, – запричитала девушка, закрыв лицо руками.

Своими популярными лекциями и брошюрами о СПИДе врачи уже успели посеять панику среди продавщиц. В отношении всякой инфекции подозрительность и мнительность особенно обостряются в сытой благополучной среде. Мнительность не обошла и Зельфу. Она уже видела себя лежащей на смертном с

одре истощенной и обессиленной, как знаменитый танцор Рудольф Нуриев. Заплаканная мама сидит рядом и поит ее водой из деревянной ложки, причитая: «Деточка моя, ну почему ты не послушалась меня, говорила ведь, не уезжай из деревни, работай себе в детском саду, так нет же. Что уж не впиталось с молоком матери, того не вталдычишь. Совсем голову потеряла».

Дальше, против воли и желаний Рауфа, события приняли детективный характер. Зельфа со своим парнем, который оказался широкоплечим здоровяком, взялись проводить его до дому. Вместе ехали в трамвае, вместе шли от остановки по скрипучему, как несмазанные сапоги, снегу. Путь был довольно долгий. Зельфа и ее парень болтали без умолку об общих знакомых, об односельчанах, кто умер, кто родился. А Рауф для них будто и не существовал.

Рауфа брасало то в жар, то в холод. Не зря говорят, вход в блатную компанию – рубль, а выход из нее – тысяча. Знал же ведь, что продавщицы – народ хваткий, зачем связался, старый дурак. Уж почти сорок лет, а ума нет и, похоже, не будет. Если сейчас этот мишарин тебя отдубасит хорошенько или даже убьет, никто ведь и не узнает, и не найдет.

А если и найдет, то за расправу на почве ревности дают-то всего год-два.

Дрожащими руками кое-как открыв замок, Рауф вошел в свою квартиру и сделал неопределенный знак, как бы означавший: «входите». Когда те, как ученый ишак Ходжи Насретдина, закивали головами, мол, «нет, спасибо», он поспешно запер дверь на ключ.

У Зельфы была своя цель: если спросят, от кого подцепила эту заразу, то надо же хоть знать, где найти это человеческое отродье. Слово «возможно» у татар имеет весьма опасный смысл.

На другой день в то же время Рауф вновь появился у дверей магазина. На сей раз в дверях стояла несимпатичная пожилая женщина.

– Позовите, пожалуйста, Зельфу.

– Зельфа, тебя твой вчерашний мужик спрашивает! – крикнула женщина зычным голосом.

Девушка медленно подошла к двери. От вчерашней беспечности не осталось и следа. Лицо осунулось, побледнело, как у человека, потерявшего последнюю надежду.

Рауф подошел к Зельфе и зашептал ей на ухо:

– Вот, билеты в кино взял. Что будем делать?

– Иди отсюда, нахал! Видеть тебя не хочу!

– Да ты не спеши отказываться. Перед началом документальную ленту про СПИД покажут.

Пожилая женщина, стоявшая на вахте у двери, услышав обрывки их разговора, хихикнула:

– Зельфа, дорогая, не упрямясь. Чем держать свои руки в боку, пусть лучше мужская рука лежит на твоём бочке.

Зельфа, уже всерьез зачислившая себя в ряды зараженных чумой XX века, попалась-таки на крючок.

В фильме, естественно, были стрельба, убийства, поцелуи, грабежи, но ни слова о СПИДе. «Значит, меня обманули», – сказал Рауф и накрыл ладонью руку девушки. Зельфа засуетилась было, сказала «отпусти», но постепенно ее окрепшая в деревенском труде рука стала терять свою твердость, потеплела, обмякла и совсем растаяла в Рауфовой ладони, на его коленях...

– У нас теперь одна судьба. Давай не будем передавать инфекцию еще кому-то, пусть уж она останется только у нас. Выходи за меня замуж.

Аргумент был неоспоримый.

– А если к детям перейдет?.. – машинально, совсем растерявшись, проговорила Зельфа.

Рауф повеселел:

– У меня непередающаяся разновидность, высший сорт, негрский.

– Ты хоть работаешь где-то?

– Да... как сказать. Дамелла я.

– Какой еще мулла! Этого еще не хватало!

– Да нет, я преподаватель, в вузе работаю, если можно называть это работой.

– Что преподаешь?

– Что преподаю? Раньше моим хлебом было хвалить Ленина и Маркса. Теперь их же ругаю на чем свет стоит. Тем и живу.

– Значит, есть на ком зло срывать. Это хорошо. Ко мне цепляться не будешь, а жену куда дел?

– Умерла.

– От болезни?

– Да, от СПИДа.

– Теперь меня хочешь, что ли, уморить?

– Ты мое солнышко, месяц мой ясный, бутончик мой розовый, Зельфа, да вместе мы не только СПИД, вообще всех победим. Сама судьба связала нас с тобой.

Зельфа посоветовалась для порядку с родными, подругами, знакомыми.

Совет был один:

– Куй железо, пока горячо. Сколько можно киснуть в общечитии. Выходи! Вцепись в него!

Двое суток продавцы гуляли на свадьбе. Богатырь-односельчанин, застыв, как памятник, изливал свои чувства душевной игрой на хромке.

Впоследствии, конечно, выяснилась, что Рауф ни в какой Уганде и вообще ни в какой зарубежной стране никогда не был. Однажды, когда они уже прожили вместе в мире и согласии много лет, Рауф заявил:

– Здорово я тебя подцепил со СПИДом, да ведь, дорогуша? Что значит – ученый человек. Соображаю!

– Да уж.

– А ты и впрямь поверила, что я болен этой заразой!

– С чего это ты взял?

– Так ведь иначе в первый же день не пошла бы меня провожать до дому. Думала, если вдруг призовут к ответу, то хоть знать, где живу, – с победоносным видом пояснил Рауф.

– Глупыш ты мой. Вы думаете, если девушка из деревни, значит, она круглая дура. Нет, не поверила я ни одному твоему слову, просто ты мне понравился. А то, что провожать пошла, так это объясняется просто: хотела узнать, есть ли у тебя квартира, а если есть, то открываешь ли ты дверь своим ключом или кто-то тебе открывает изнутри.

Как бы там ни было, а страшный вирус XX века стал главным сватом для этой пары.

Если пять миллионов жителей земли проклинают СПИД, то двое из них благодарны ему. Это Зельфа и Рауф.

Перевод с татарского Н. Мухаметшиной

Бараксин

Школьный выпускной вечер, который бывает раз в жизни. Отдав родителям наши аттестаты зрелости на хранение, мы собрались на праздник в спортивном зале нашей новой школы. В головах туман, в сердцах отчаянье, настроение взбалмошное. Это самый радостный и самый, как сейчас сказали бы, «прикольный» день, первое достижение нашей молодой жизни. Будущее рисуется в самых ярких радужных тонах. Нет и тени сомнения в том, что среди нас будущие генералы, партийные руководители, профессора, писатели и капитаны бороздящих океаны кораблей. Юность не знает в своих мечтах границ и запретов. Но моя радость была омрачена, будто капля дёгтя испортила бочку мёда. Неожиданная неприятность совершенно выбила меня из колеи. Когда мои длинные, как у не знающего усталости скакуна, ноги примчали меня к зданию школы, находящейся в соседней деревне Новый Альмет, я заметил, что большой палец одной ноги, не считаясь ни с какими культурными и политическими обстоятельствами, нагло вылез наружу, проткнув носок моей голубоватой брезентовой туфли. Это хамство испортило всё настроение, весь вкус, всю ауру праздника и, естественно, этот свой же палец превратился в мо-

его личного врага. Только я начинаю танцевать с девушкой, крутиться, вертеться, он раз – и выскакивает, прямо хоть отрезай его и выкидывай. Отойдя в сторонку, я кое-как втискиваю его обратно в тужурку, но стоит мне шевельнуться, он опять тут как тут, как будто просится на воздух.

Парни провожают своих красоток. Глядя на матовую луну в небе, клянутся в вечной любви и верности, а у меня – вся моя физическая и духовная сущность заняты разборкой с собственным пальцем. Раз на душе неспокойно то и праздник не праздник. То, что я вернулся домой раньше других выпускников, было вполне закономерно. Девушки у меня не было. Учителя спешили домой, так что мой уход, по-моему, никто и не заметил.

Тихонечко я забрался на сеновал, обняв свежее сено, поплакал вволю, проклиная несправедливость жизни. Но надо думать о будущем, определяться. И вот в эти грустные для меня дни из города в нашу деревню на отдых приехал мамин младший брат, Хасиб абы. Я смотрел на Хасиба абы с восторгом и где-то в глубине души завидовал ему: одетый в добротный темно-синий костюм, серого цвета кожаные туфли на крепкой подошве, которую не смог бы проткнуть никакой наглый палец, он ходил, все время припевая и приплясывая. Совершенно неожиданно Хасиб абы предложил мне поехать вместе с ним на работу в город Красноуринск Свердловской области. Разговор с отцом происходил в моем присутствии. Хасиб абы – человек деловой, его доводы убедительны, практичны:

– Одежду себе справит, с людьми пообщается, по-русски научится говорить, посмелее станет, а то уж очень он смирный у вас, будет жить у меня.

Дядины слова как я понял, бальзамом легли на души моих родителей. Отец с легкой душой согласился, как говорится, решение подписал, мама поставила печать. Я глянул искоса на испортивший мне праздник большой палец ноги и понял, что стоит рискнуть

Другая моя одежда не сильно отличалась от тех брезенто-

вых туфель. Из штанов и рубашек я вырос. Братьев старше меня нет, чтобы донашивать за ними одежду большего размера.

Видимо, во мне взыграла кровь моих кочевых предков. Сердце наполнилось радостью от предстоящих перемен, от ожидания встречи с жизнью большого города. Зачем же упускать возможность посмотреть мир, если к тому же тебя приглашают от чистого сердца. Наверно, Аллах пожалел меня и послал Хасиба абы с идеей поездки в город как награду за мои страдания на выпускном вечере. В этом мире ничто просто так не бывает. Я конечно, никогда не забуду доброту Хасиба абы. Хотя и грустно покидать родительский дом, оставаться в нём уже не имеет смысла. Стремление к чему-то иному, еще не изведанному, всё равно покоя не даст. От судьбы не уйдешь. Видимо, мне на роду было написано десять месяцев своей жизни побыть рабочим, электролизником на алюминиевом заводе.

Таким образом, Краснотуринск, уютно разместившийся в окружении Уральских гор, оказался первым увиденным мной городом с кирпичными домами. Высокие дома из белого кирпича, широкие улицы, гладкий асфальт - всё это вызывало различные переживания, пробуждало радость жизни. Главная улица города заканчивается красивым желтым зданием с колоннами. Это заводской Дворец культуры, в котором каждый день проходят какие-нибудь культурные мероприятия, кино, концерты.

Правда, в этом симпатичном городке никто, конечно, не ждал, чтобы некий молодой человек из далёкой татарской деревни осчастливил его своим посещением. У меня не было ни малейших навыков, которые могли бы хоть как-то заинтересовать заводских работодателей. Что я мог им предложить? Я умел по-татарски читать, писать, имел кое-какой опыт сочинения стихов, прозы малого жанра, типа статьи (так, для себя), мог прочесть наизусть стихи Тукая, косить траву, рубить дрова, чистить хлев. Но все эти мои «навыки» на гигантском заводе, обеспечивающем работой и средствами существования более тридцати тысяч человек, оказались невостребованными. К тому же, как на грех, в

высокооплачиваемые «горячие цеха» несовершеннолетних не брали, а мне было всего семнадцать. (Надо же, неужели и мне когда-то не было даже восемнадцати!).

Моё заявление о приеме на работу подписали начальник отдела кадров, начальник цеха, представитель профсоюза, но в отделе по технике безопасности, посчитав на пальцах, сколько мне лет, допустить меня к горячей доменной печи отказались. Я совсем сник. И так уже второй месяц сижу на шее у дяди и тети. Да и обратно в деревню возвращаться невостребованным – позор. Помогло умение Хасиба абы находить выход из любой ситуации. Он разрешил проблему довольно просто.

Если вы думаете, что он кому-то кланялся в ноги, уговаривал, одаривал подарками, то очень даже ошибаетесь. Он просто достал бумагу с подписью начальника отдела техники безопасности и через копирку перевел эту подпись на мое заявление. Таким образом, благодаря смекалке и решительности дяди Хасиба, я стал полнокровным членом славного рабочего класса. Мы с дядей оба очень порадовались моему столь удачному трудоустройству и долго шумно ворковали об этом, прямо как голубки на карнизе. Вначале довольно долгое время я ходил в учениках. А планы у меня были вполне определенные: поработаю годик, справлю себе приличную одежду, помогу по возможности родителям и поеду в Казань поступать в университет. На всю жизнь оставаться у подножия Уральских гор я не собирался. Кроме того, я преследовал ещё одну, более мелкую цель, купить себе с первой же полочки кожаные туфли на толстой подошве и, надев их, «отомстить» таким образом, большому пальцу ноги, опозорившему меня тогда на выпускном вечере.

Как бы там ни было, я приложил все усилия, терпение и настойчивость и устроился на работу, требующую большой физической нагрузки, но хорошо оплачиваемую. Если бы эпоха «диктатуры пролетариата» продлилась дольше, я мог бы с гордостью заявлять: «А ты попробуй-ка, поработай возле печи, пышущий стоградусной жарой». Но теперь уже рабочие специальности не в почете.

Город Краснотуринск точно так же, как наши Набережные Челны, построен ради обслуживания завода-гиганта, с ним связано его культурное и материальное состояние. Сумеешь устроиться на работу возле доменной печи, значит, ты счастливчик, ты – при деньгах. Рабочий день сокращенный, всего шесть часов, холодная минеральная вода в автоматах не иссякает, выдают даже талоны на молоко. На пенсию выходят с пятидесяти лет, на десять лет раньше, чем другие. На заводе сутки разделены ровно на четыре части. Четыре дня подряд работаешь в одну смену, например с двенадцати ночи до шести утра, потом сутки отсыпаясь, и приступаешь к следующей шестичасовой трудовой вахте.

Тихо, спокойно посидеть удается очень редко. Чаще всего пять часов из шести до изнеможения приходится проводить возле горячей домны, утопая в соленом поту. Коллектив под названием «звено», состоящий всего из двух человек, отвечает за шесть печей. Каждая печь размером примерно с деревенскую баньку: длиною шесть метров, шириной три метра, обложена толстым слоем рифлёного железа, в лоне её бушует, буйствует огонь, кипит алюминий. Со стихами о домнах Хасана Туфана, в ту пору запретными, я познакомился позже. Времена изменились, а процесс плавки, оказывается, всё тот же.

Чёрную ночь, как чёрную корову,
зарезал кто-то:
Пламенем из горла вырвалась кровь.
Это домны.
Вулкан бушует в них,
До звёзд, кидая свой пожар.

Когда наступает время «кормить» печь, чтобы поддержать процесс плавки, то есть подсыпать в неё алюминиевого порошка, на крыше печи загорается лампочка и включается пронзительно воющая сирена. Значит, пора, дергая с обеих сторон цепь, поднять железный «занавес» и обычным ломом или специальным буром, как рыбак делает во льду лунку, проткнуть бешено кипящую крас-

ную жижу. Жара возле печи невыносимая, к тому же приходится спешить, суетиться, солёный пот щиплет глаза. Мало тебе постоянно воющей под ухом и подстегивающей тебя сирены, тут, откуда ни возмись, появляется начальство, начинает торопить, «кормить» тебя умными советами. Наконец, как только в проделанную «лунку» из железного короба насыпается белоснежный алюминиевый порошок, домна, как ребенок, добившийся, наконец, материнской груди, затихает и успокаивается.

Тут же по железным рельсам на потолке подъезжает кран и длинным, как хобот слона, шлангом высасывает готовую жижу в специальный бак. Лунку для неё делаем мы, электролизники. Небольшого роста, с редкими рыжеватыми волосами крановщик Кузьма - самый нужный человек в этом процессе. То и дело слышатся:

- Кузьма, подходи к десятой ванне!
- Кузьма, вира! Кузьма, майна!
- Кузьма, отходи!

В течение всей смены эти фразы звенят в ушах. Я стараюсь запомнить каждое русское слово. Жидкость, высосанную из домны, разливают по мелким железным коробкам, где они застывают и превращаются в белые алюминиевые кирпичики, в таком виде их отправляют куда-то для производства чего-то. Таким образом, мощь страны обеспечивается всего двумя людьми: мной, деревенским парнем по имени Талгат, который еле-еле удерживает в руках тяжелый лом, и высоким здоровым мужчиной с волосами, похожими на ковыль. Его зовут Константин. Наше родное государство, конечно же, как всегда, обвело нас вокруг пальца: ни один рабочий высокого разряда с хорошей по социалистическим меркам зарплатой не мог себе позволить купить машину, построить коттедж или хотя бы справить пару лишних костюмчиков на смену. Денег хватало как раз от полочки до аванса. Радовало одно: зарплату выдавали в точно назначенное время и даже час.

Возле горячей домны, высасывающей все внутренности и приводящей к преждевременной старости детей из племени та-

тар много. Они трудолюбивые, послушные, благодарные. Особых знаний от них не требуется, были бы крепкие мускулы, да здоровые легкие, способные подольше противостоять ядовитой алюминиевой пыли. Самую многочисленную группу составляют выходцы из Биляра, Чистополя, Нурлата. На улицах Краснотуринска гуляют юноши и девушки из татарских деревень Кичкальня, Новый Альмет, Амзя, общаясь между собой на татарско-мишарском диалекте. Секрет образования «диаспоры» очень прост: этих молодых людей забросила сюда не волна революционно-классовой борьбы, а послевоенное безденежье, бедность, нищета. Как правило, вначале кто-то более ловкий и решительный, не согласный работать в колхозе за бесплатно, или, например, отбивший у кого-то девчонку, уезжает из деревни в какой-нибудь город, долгое время скитаясь по общежитиям, наконец, добивается квартиры. Приехав в родную деревню уже городским жителем, он соловьём заливается, рассказывая окружающим о райской жизни в городе, о том, что деньги там гребут лопатой, что квартиры с теплой водой и блестящим унитазом ждут – не дождутся своих хозяев. У слушателей затуманиваются мозги, взъеривает кровь, они полностью окунаются в сладостные мечты о городской жизни. Рассказы «вербовщика» передаются другим слушателям, родным и знакомым.

В конце концов, у слушателей пробуждается доставшаяся от предков тяга к кочевому образу жизни, атавизм. Женщины, когда речь заходит о возможности покинуть родные места и перебраться в другую местность, проявляют не характерную для них быстроту, они не только не соглашаются, а наоборот, начинают торопить своих мужей, отцов, братьев. Тем более, что бывший односельчанин, желая сколотить себе компанию, забрасывает колеблющихся письмами, которые передаются из дома в дом, перечитываются по многу раз и формируют общественное мнение. Те, у кого родители ещё крепкие и пока в опеке не нуждаются или возле них есть кому остаться, те, кто сумеет договориться с председателем, те, кто обижен на сельскую власть, уже через несколько дней пускаются в путь.

В городе татары стараются держаться стайкой, жить поблизости друг от друга. Помню, меня очень удивило то, что некоторые выходцы из татарских сёл довольно легко, бегло разговаривали по-русски. Но все они возле домны очень скучали по своим родным, по деревенской природе. Однако возвращаться бессмысленно. Там, на природе, жизнь ещё тяжелее. А их дети здесь совсем обрусели. Из моих знакомых земляков только один человек – Ахтям Гатин – из Нового Альмета, - довольно быстро сумел уйти от работы возле домны. Сначала он был сменным мастером. Его заметили, перевели на партийную работу в горком. Одновременно с исполнением обязанностей заведующего отделом промышленности, этот хитрый мишарин заочно закончил юридический факультет Казанского университета, и как только появилась возможность, мелькнул свет в конце туннеля, он перебрался в Казань на должность судьи. Правда, долгое время до получения квартиры он жил в гостинице, потом в общежитии, но Казань «не сдал». Долгие годы он работал председателем судебной коллегии тогдашнего Ленинского района города Казани. Сумел остаться гуманным судьей и скромным человеком.

«Что может быть лучше того, чтобы жить спокойно, беречь своё здоровье», - любил он говорить. Но в то же время Ахтям ага своими советами и делами довольно основательно служил своему народу. Одним из первых он начал вести судебные дела на татарском языке. Встречи с ним доставляли огромное удовольствие, будто попадаешь в родные края с характерным мишарским говором. Ахтям ага, по-моему, сознательно не «портил» свою речь, делая её слишком литературной. Так и продолжал общаться на чистопольском диалекте.

Следующим человеком, который неплохо устроился в Краснотуринске, хотя и не занимал никакого кресла, был, конечно, вы правильно подумали, это Хасибулла Шафигуллин, наш Хасиб абы. За ним я чувствовал себя как за каменной стеной. В выходные дни он брал меня с собой в город, мы с ним гуляли по улицам, а потом он по-хозяйски, крупными шагами заходил в самый боль-

шой магазин города и, подойдя к женщинам, стоявшим у прилавка, обращался к ним громким солидным голосом, будто разговаривал с глухими стариками:

– У вас темно-синяя польто есть?

Одна из продавщиц, ожидающих чего-нибудь более интересного, равнодушно сквозь зубы выдавливает: «Нет».

Этот ответ, конечно, не удовлетворяет Хасибуллу абы.

– А у вас тёмно-синяя качтум есть?

– А зачем вам именно тёмно-синий костюм? - начинает интересоваться одна из продавщиц.

– Японский миллионеры такой одевают.

– Вы же не япошка.

– А пачуму нет? – говорит Хасиб абы и двумя пальцами растягивает глаза, делая их раскосыми.

Тут, разрывая сонную тишину магазина, раздаётся дружный громкий хохот.

– Девочки, найдите этому дядечке все, что он просит, дайте все, что ему нужно, – отдаёт распоряжение старшая продавщица.

Зажав под мышкой не выставленные в витрине, но нужные ему и мне вещи, Хасиб абы еще более решительным шагом выходит из магазина. В следующий раз он уже придёт в эту компанию как старый знакомый, с радостной улыбкой на лице, будто посланный специально раздавать подарки этим продавщицам. Хасиб абы вобрал и творчески развил в себе наиболее характерные для большинства татар качества: непритязательность, умение приспособиться к любым обстоятельствам, умение найти общий язык с окружающими, умение общаться с людьми из разных слоев общества, умение почитать взрослых и заботиться о младших. Он виртуозно играл на гармонии, а если пускался в пляс, то и пол, и потолок сливались воедино. Устанет от пляски, запекает песню, и в этом занятии среди живущих в городе, но тоскующих по деревне людей, он был не из последних. Преклонение перед татарской музыкой, татарской песней очень сблизило его с упомянутым выше Ахтямом Гатиным. Они часами могли общаться на эту тему. Если

бы в мире существовало всего два человека, умеющих доводить любое дело до идеального состояния, то одним из них, ей-богу, конечно же, был бы Хасиб абы. И руки его, и голова способны на всё. Этот среднего роста, аккуратного телосложения человек умел быть полезным для любого, в любую дверь он мог постучать и войти. «Если бы он имел возможность в своё время получить образование, то кем бы он мог стать?» - думал я иногда. Хасиб абы рано осиротел, отца раскулачили и выслали. Мать умерла, когда он служил в армии. Так что ему было не до образования. С другой стороны, для человека, умеющего писать-читать, немного разбираться в чертежах, оставаться простым рабочим возможно – это счастье, продлевающее жизнь. Ведь преуспевание не падает на людей, как манна небесная. За теплое местечко, за красивую жизнь нужно постоянно бороться, быть всегда начеку.

В Краснотуринск Хасиб абы попал тоже под воздействием «вербовщика». Вернувшись из армии, он женился на красивой девушке со жгуче чёрными длинными косами по имени Мадина и вместе с ней уехал на Урал. Немногословная, покладистая Мадина еще раньше Хасиба абы уехала из родной деревни Кичкальни и жила в Казани. Человека, успевшего привыкнуть к городской духоте, в деревне никак не удержишь, хоть привязывай. Хасиб абы со своей женой Мадиной по характеру полные противоположности. Природа стремится к гармонии, всё выравнивает. Хасиб абы общительный, подвижный, «петушистый», иногда даже буйный, любит остроумные шутки, анекдоты. Однако поводя от него в надежных руках его спокойной, чернобровой, черноглазой, обаятельной жены. Стоит ей сказать всего несколько слов, и Хасиб абы тут же возвращается в свою колею. Характеры приспособляются, рождается любовь и взаимопонимание.

Живя в городе, человек совсем отдаляется от родных мест, и это неважно, татарин он, мари или еврей: городская женщина категорически не согласна иметь большую семью, иметь много детей. Привыкшая к комфорту, к жизни с удобствами, она не хочет себя обременять лишними заботами. Мужчины не против детей,

но их слово – не всегда закон.

Хасиб абы и Мадина апа вырастили двоих детей: сына и дочь. Их сын трагически погиб в Челнах. Что делать, на всё воля Аллаха.

Хасиб абы, конечно, не парился возле домны, он был высококвалифицированным слесарем шестого цеха. Бывало, с огромным гаечным ключом в руках он не спеша прохаживается по цеху, пьет минеральную водичку, молоко. Если увидит, что я, разомлев от жары, уснул, сидя на корточках возле печи, подойдет и поглубже надвинет каску мне на глаза. В этом находит для себя забаву.

В свободное от ремонтных работ время он мастерит из белой алюминиевой стали белые ведра. Оставшиеся отходы незаметно перекидывает через кирпичный забор с колючей проволокой в растущий снаружи кустарник. После смены мы с ним вместе тщательно собираем в кустарнике эти «белые грибы» и везем домой. Так что татарское население города ведер в магазине не покупало. Ведра сделанные Хасибом абы, были намного лучше, красивее, вместительнее, звенящие, их хватало на всех.

Хасиба абы с его кипящей энергией, неугомонностью, я бы мог сравнить только с травой, пробивающейся сквозь асфальт.

Нежданно-негаданно нашлось для него симпатичное прозвище – Бараксин. Это прозвище, сразу же прилипшее к нему, будто так было с самого рождения, имеет свою историю.

Дело было так. Я после окончания университета, работаю в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ в простонародье), усердно исполняя в нем обязанности младшего научного сотрудника, изучаю благотворное влияние на поэзию Сибгата Хакима традиций татарских народных песен. Мой младший брат Афхат учится в Медицинском институте. В один прекрасный день у нас в общежитии совершенно неожиданно, будто с неба свалился, появился наш Хасиб абы. Как правило, такой народ, как студенты, аспиранты, очень даже приветствуют, когда навещают их богатые родственники. Может быть, чувствуя это, Хасиб абы повел нас в ресторан и от души накормил, напоил. К тому же у него, оказыва-

ется, была проблема, в разрешении которой он надеялся на нашу помощь.

– Абы, ты там, в чужих краях, счастливо живёшь? – спрашивает его будущий медик. Я, уже повидавший его образ жизни, такой наивный вопрос задать не могу.

– Да, я своей жизнью вполне удовлетворен, – отвечает абы.

– Что-то не похоже, – привязывается Афхат, уже слегка принявший за здоровье дяди.

– Придется тебе поверить, малай, я вот к вам в Казань с очень важным делом приехал, нужна ваша помощь.

Мы навестили уши. А мы-то думали, что он соскучился и захотел повидать своих племяшей! Как бы не так! Прошли времена первобытной наивности.

– Знаете, парни, – скорбным тоном продолжил Хасиб абы, – моя любимая хромка сломалась. Нужно срочно починить.

– Ну так пошли быстрее в мастерскую, пока не закрылась.

– Нет, мастерская не годится. Говорят, в Казани есть специальный мастер Бараксин, только он чинит хорошие гармони с серебряными струнами.

Мы, конечно, ни о каком Бараксине не слыхали, и ведать не ведали.

– А адрес знаешь?

– Нет, но его все равно надо найти.

Целый день на такси мы объездили все мастерские, все фабрики, нашли-таки этого мастера, который починил любимую гармони. Лицо Хасиба абы засияло счастливой улыбкой, будто он достал с неба лунную девушку Зухру. Мастер, которого мы искали, был, оказывается старик по фамилии Вараксин. А нам-то что, мы тут же приклеили Хасибу абы прозвище Бараксин.

Хасиб абы уже давно оставил свои «левые» дела. Предчувствуя надвигающиеся в стране беспорядки, ещё в восьмидесятых годах он обменял свою квартиру в Краснотуринске на Набережные Челны. В настоящее время он почтенный старец, прихожанин одной из почтенных мечетей, помощник хазрата, Хасиб абы ис-

кренне всей душой служит исламу, почти весь Коран знает наизусть.

Много воды утекло с тех пор, но проведенный на Урале год своей жизни, тамошнюю татарскую диаспору вспоминаю с благодарностью, иногда скучаю. Когда мы встречаемся вместе - Хасиб абы, Ахтям абы и я - , непременно вспоминаем наши молодые годы, Урал, и горячая волна, будто исходящая от доменной печи, согревает наши души.

Анатолий Разживин (г.р.1950)

Окончил дважды в разные годы филологический и исторический факультеты Елабужского государственного педагогического института, аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н.К.Крупской. 43 года проработал в Елабужском институте (ныне филиале Казанского федерального университета) в должностях декана историко-филологического факультета, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы, проректора по научной работе. Ныне профессор, автор более ста пятидесяти опубликованных научных работ по истории русской литературы XVIII- XIX веков, в том числе шести книг, монографий и учебников. Живет в Елабуге.

ЗАПАХ НАФТАЛИНА

Николенька рос городским мальчиком, активно пользуясь теми скромными благами, которые предоставлял детям послевоенный провинциальный городок. После первого класса он был уже записан в детскую библиотеку, посещал драматический кружок в Доме пионеров и даже выступал в роли диктора на местном радио в передаче, аналогичной союзной «Пионерской зорьке».

Родители его были городскими жителями в первом поколении. Они выехали из родового гнезда (деревни Ключёвка) на Урал в 1930-е годы в начале индустриализации страны. Паспорта помог «сделать» старший брат матери Семен, который занимал на шахте Красновишерска какую-то начальственную должность. Другие молодые братья матери и отца закрепились в городе после службы в армии, получив там профессии водителей, механиков. А иные выехали из деревни уже в послевоенные годы, когда

началось так называемое «укрупнение» хозяйств и ликвидация неперспективных деревень.

К 60-м годам в Ключёвке осталась одна из сестёр матери Татьяна, солдатская вдова, потерявшая в войну мужа, которая жила со своей свекровью, тоже вдовой солдата Великой Отечественной войны.

В доме Николеньки часто говорили о деревне, особенно когда приходили в гости родственники и старенькая бабушка Маня, мачеха отца, что его воспитала после смерти родной матери.

– Вот придут летние каникулы, отправим тебя в деревню. Там утром и вечером будешь пить парное молоко и есть полевую ягоду клубнику, - приговаривала мама.

Наконец, наступил тот желанный летний месяц июль, ягодный сезон. Ключёвка была от города в восемнадцати километрах, но общественный транспорт туда не ходил, да и в городе-то был всего один автобусный маршрут, проходивший по центральной улице до пристани на Каме. Поэтому одна надежда на грузовую машину полуторку, которая приходила через день из деревни на центральную усадьбу совхоза в городе по разным хозяйственным делам. Водитель и взял мальчонку с его дядей Григорием, вызвавшимся сопроводить его в деревню.

Деревенская родня встретили мальчика приветливо. На столе стояла большая деревянная миска, доверху наполненная ароматной полевой клубникой, большая кринка молока и яичница в глубоком глиняном горшке прямо из печи. А уж как рада была бабушка Семеновна городскому гостю. Открыла она большой сундук и из глубины его достала бумажный пакет с пряниками. Один пряничек дала гостю, а другой своей внучке и смотрела на них своими ласковыми глазами. Она долго берегла этот пакет, чтобы при случае порадовать сладостью деток.

Пряник на язык был сладок, но очень жесткий. Его невозможно было жевать, а только понемногу грызть. Все бы ничего, но от него исходил какой-то неприятный запах, не известный Ни-

колаю. Бабукина внучка как знающий человек пояснила, что так пахнет нафталин.

О бабушке надо сказать особо. Она была главой этой бабьей семьи. Кажется, никто не помнил её имени, все в деревне звали её по отчеству – Семёновна. Высокая, статная, носила юбки в пол. По верх юбки фартук от пояса, в будни скромный, в праздник надевался яркий. Большой окованный железом по углам сундук в избе был её личной территорией. Именно в нем в давние времена было её свадебное приданое. А теперь там хранилась её одежда, связанные ею и положенные на хранение шерстяные носки и варежки, там же хранились солдатские треугольники - письма с фронта от мужа и сына. Все это было переложено маленькими тряпичными мешочками с нафталином, чтобы моль не съела. Вот этот запах и впитали пряники. Николаю не очень хотелось грызть этот пряник, но он понимал, что нельзя обидеть бабушку, ведь она берегла для детей эту сладость и хотела их порадовать, поэтому он долго держал этот пряник в руке и понемногу откусывал сладкие, но отвратительно пахнущие кусочки.

Бабушка Семеновна была всегда при деле: с раннего утра топчется у печи, доит корову и выгоняет её в стадо, потом либо прядет шерсть, либо вяжет носки, порой садится на крыльце и взбивает сливочное масло из сливок. Это целое искусство. В доме не было маслобойки. Масло взбивалось вручную как тысячу лет назад. Сливки наливались в большую бутылку с узким горлом, которая называлась четвертью (старинная мера объема – три литра, четвертая часть двенадцатилитрового ведра), бабка садилась на крыльце на свежем воздухе, брала в руки закупоренную бутылку, опираясь локтями на свои колени, чтобы не держать её на весу, бултыхала бутылку из стороны в сторону. И через пару часов в этой бутылке появлялись кусочки масла с крупными горошинами, а сливки превращались в жидкий обрат. Потом через сито отделялось масло, формировались руками большие масляные кусочки, называемые фунтиками (фунт – старинная мера веса, 400 грамм), которые заворачивались в промытые листья лопуха. Считалось, что

в лопухе масло не тает даже в летнее время. Действительно, на городском рынке деревенское масло всегда продавалось фунтами, завернутыми в лопухи.

Деревня угощала не только парным молоком, тут были и сливки в кринках, и сметана в горшочках, и творог, и масло в лопухах. А хранилось все в погребе, куда ранней весной набивался снег и лёд, постепенно тающий, но сохраняющийся до августа месяца. Тут Николай понял смысл слов корова-кормилица.

Однажды вечером Николай увидел Семеновну молящейся перед иконами:

– Матушка-заступница, царица небесная – богородица, святые равноапостольные Петры и Павлы, ниспошлите на нас завтра с утра дождь.

– Бабушка, почему вы просите дождь?

– Завтра, сынок, большой престольный праздник в нашем приходе – Петров день. В старые времена мы ходили в этот день в Гаринскую церковь, сотворенную во имя апостолов Петра и Павла, молились, могилы родителей навещали. Сейчас церковь порушена, крестов нет, там устроен зерносклад. Но если завтра с утра будет дождь, нашим бабам не дадут наряд работать в поле, будем с утра дома молиться, потом испечем пироги, помянем родных, а вечером соберемся с товарками и попоем наши вдовьи песни.

Глаза Семеновны увлажнились: она вспоминала давние времена, когда после летнего поста в Петров день отдали тятенька с маменькой её замуж за соседского паренька Петрушу, обвенчали в Гаринской церкви, сыграли свадьбу: а теперь и могилки его даже нет, погиб на чужой стороне в этой проклятой войне.

Так Николенька усвоил, что кроме городских праздников 1 мая и 7 ноября есть еще большой праздник 12 июля – Петров день.

Удивительно, но с утра действительно из небольшой тучки над деревней шел дождик. А проснулся Николай от запахов в избе, теплых и густых. У икон в красном углу горела лампада, а на столе под белым полотенцем «отдыхали» пироги: с яйцом и зеле-

ным луком, с морковью, с ягодами, с сушеной черёмухой, которую тетка Татьяна накануне толкла в металлической ступе, шанежки с картошкой.

А к вечеру собирались к Семеновне соседки, садились на скамеечку у дома и начинались песни. Первой вступала Семеновна:

Как по мо-о-о-рю,
Как по морю, морю синему
Плыла лебедь с лебедятками,
Со малыми со детятками.

А далее вступали соседки:

Как подкра-а-а-лся,
Как подкрался тут ясен сокол,
Погубил он лебедь белую...

Песня лилась плавно, двуголосно, как в прежние молодые годы, когда молодежь водила хороводы.

— Парней молодых в Ключёвке было больше, чем девок, - вспоминает Семеновна, - потому невест сватали из Горшуновки, Груздёвки, Удаловки. А ныне баб больше, многие мужики не вернулись с фронта, а иные, вернувшиеся ранеными, вскоре померли.

И идут разговоры-воспоминания, льются песни не только протяжные, но и веселые, любовные:

Коромысло кипарисно, пойду по воду на низ,
Пойду по воду на низ да на Самару на реку.
На Самаре на реке да гуси серые сидят,
Гуси серые сидят да про Ванюшу говорят...

Что еще отложилось в памяти городского мальчишки в это лето? Это то, что деревня живет по другому календарю, нежели город. Крашеное яичко у иконки положено в Пасху, травы лечебные и для чая собирают на Ивана Купала, когда они набирают силу, мёд не качают и не едят до первого Спаса (Успенья Богородицы), иначе он будет не зрелым, картошку копают на Покров, капусту

рубят и солят на Михайлов день, тогда она хорошо хранится в погребе и не киснет до весны.

Вот о солении капусты мальчик узнал много удивительно-го. При нём вытащили из погреба огромную двадцати вёдерную бочку из-под квашеной капусты. Её надо было отмыть, чтобы с осени снова посолить капусту. Мыли водой с мочалом и золой. Наполнив потом её водой до краёв, разводили рядом костёр, клали в него белые камни, раскаляли их докрасна, а потом металлическими ухватами кидали в бочку. Вода в ней долго кипела. После этой процедуры бочка становилась стерильной и ждала Михайлова дня, чтобы вновь в ней засолили капусту.

Деревня многим удивляла мальчика. Дома в ней были все деревянные, даже клуб, где собиралась молодежь на танцы и для просмотра кинофильма, что привозил раз в неделю киномеханик из города. Каменным был лишь небольшой магазин, где торговал, как уважительно звали его, Матвей Яковлевич. Николенька никогда не видел в городских магазинах продавцов мужчин. Это всегда была женская профессия. А тут за прилавком у весов стоит мужчина. Оказалось, что Матвей пришел с фронта тяжело раненным, без ноги. Поэтому он не мог работать наравне со всеми мужчинами на машинном дворе, и чтобы не быть в тягость семье, брался за любую работу.

В деревянной деревенской избе тоже много было удивительного для мальчика, это прежде всего полати под потолком, самое теплое место в жилище, где спали, как правило, дети. Ему нравилось забираться туда и наблюдать сверху, что происходит внизу в избе. К избе через сени примыкала клеть – неотапливаемое помещение из деревянного сруба с одним небольшим окошечком, служащее для хозяйственных целей. Там стояли деревянные, обитые железом (от мышей) сусеки с мукой, деревянные топчаны, в летнее время заправляемые перинами и превращаемые в постель, но самым удивительным был деревянный ткацкий станок, на котором Семеновна ткала ковровые дорожки. Устройство сложное, с рычагами, которые приводились в движение ногами, в

то время как руками ткачиха продевала челнок между многочисленными нитями. Смотреть на работу Семеновны было забавно: из клубочков с нарезанной узкими полосками ткани выходила ковровая дорожка, которой застилались лавки у обеденного стола. Такие же дорожки были и на полу в передней избе. Клубочки с тканью подбирались по цвету, они менялись во время тканья, поэтому на ковре появлялось подобие разноцветного рисунка.

А ещё клеть благоухала запахами. Высоко на шесте были развешены веники, берёзовые - для бани, и веники из полыни, которыми подметали пол. По стенам висели многочисленные пучки сушеных трав, которые использовали в лечебных целях и просто добавляли в чай. Здесь же висели тряпичные мешочки с липовым цветом, с шиповником, с сушеной черемухой. Да и в целом деревенское подворье было наполнено многообразными запахами, которых не было в городе: это запах парного молока из подойника, запах полевой клубники, полянки которой начинались сразу за огородом, запах сена, исходивший от скошенной подвяленной травы, которой кормили корову и телёнка, запах берёзовых дров, что сушились в поленницах, даже сушившийся на заднем дворе кизяк пах более пареной пшеничной соломой, нежели навозом. Запахи все были живыми, сопровождавшими трудовую деятельность и быт сельского человека, в отличие от запаха нафталина, который убивал насекомых.

Пришло время уезжать Николеньке домой. Тетя Татьяна проводила утром его на машинный двор, передала женщинам, которые тоже ожидали машину в город. Долго прождали машину, а она не пошла в то утро, что-то в ней сломалось. Пришлось Николаю вернуться в дом. Как же сокрушалась Семеновна и извиняющимся голосом говорила:

— Мы же для себя растворили пироги-то из ржаной муки с начинкой из репчатого лука. Белые-то печём по праздникам и для гостей. Сегодня придется попотчевать тебя черными пирогами.

Какими же вкусными оказались эти теплые ржаные пироги с холодным молоком из глиняной кринки. Вкус и запах ржи с жа-

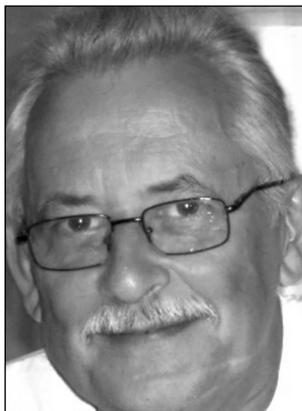
ренным луком был новым и запоминающимся.

На другой день город встретил Николая двумя запахами. На машинном дворе «Сельхозтехники», куда прибыла полуприцепка, пахло соляжкой и машинным маслом. Улицы пахли июльской пылью: мощеной камнем была лишь центральная улица города, остальные были грунтовыми.

Запахи деревни долго были в памяти мальчонки. Но когда мама приносила из магазина пряники, он всегда к ним сначала принимался, прежде чем попробовать. Нет, эти пахли то сгущенным молоком, то мёдом, то мятой, то повидлом, то корицей.

Анатолий Мухачев (г.р. 1949)

В 1971 году окончил факультет иностранных языков Елабужского государственного педагогического института. Работал переводчиком за границей, старшим преподавателем кафедры английской филологии Мурманского пединститута (ныне Арктический университет). Живет в Елабуге.

МАМА

Рассказ-быль

Была весна. Светило солнце. И поезд весело бежал по Кировским лесам в сторону Ижевска.

В купе было чисто, светло и уютно. Нас было трое, и мы говорили о делах. Тогда, в начале 90х романтика Перестройки ещё не иссякла и будоражила нас новизной открывающихся возможностей. Мы ещё были советскими людьми. Нам не нужны были миллионы.

Просто каждый хотел испытать себя в новом, может быть, более интересном деле.

Мои попутчики ехали из Кирова. Один ездил туда знакомиться с лесопильной техникой и хотел построить лесопилку. Другой ездил на какой-то завод, чтобы купить старые станки и открыть токарную мастерскую.

А я ездил в Великий Устюг, чтобы спасти старый колёсный пароход. Он стоял там, на судоремонтном заводе. Мне сказали, что если в ближайшее время его никто не купит, то придётся распилить его на металлолом. Устюжане очень жалели этот пароход. А я пытался найти кого-нибудь, кто бы купил его.

Пароход был очень красив. Мебель, пианино и стены сало-

на первого класса были из красного дерева. Бронзовые рукоятки на мостике ещё блестели, а деревянные лопасти на колёсах ещё носили следы красной краски.

Но, главное, это был настоящий пароход! С паровым двигателем и большими колёсами по бокам. Такие ходили по Каме во времена моего детства. Говорили, что это был последний русский колёсный пароход. Мне очень хотелось спасти его. Я хотел, чтобы в России остался хоть один такой пароход.

Итак, мы ехали по домам. Каждый к себе. И каждый со своими планами и мечтами.

Настроение было приподнятое.

Мы весело болтали, когда на одном маленьком полустанке в купе вошла женщина. Сзади за локоть её поддерживал мужчина. Женщина была слепа.

«Мама, проходи», - хрипло сказал мужчина, - «вот сюда, сюда садись, мама».

Женщина села рядом со мной на мою нижнюю полку. Мужчина забросил наверх её сумку. «Мама, ты как? Всё хорошо?» - хрипло спросил он.

«Да всё хорошо», - ответила женщина.

«Неужели сын?» - подумал я. Меня несколько удивило несоответствие в возрасте. На лицо мужчины казался почти стариком, хотя движения его и сила выдавали в нём человека далеко ещё не старого.

«Вы у меня смотрите! - сказал он нам - Маму не обижайте! Мама, я тут за стенкой. Если что, зови».

Мы улыбнулись такой сыновней заботе.

Я взял стакан и вышел за кипятком для чая.

В соседнем купе наш новый знакомый стелил верхнюю полку, а внизу у окна сидели два прапорщика. Они пили водку. На столе стояла бутылка, а рядом нарезанная колбаса и хлеб.

Мои попутчики тоже принесли себе чаю. Предложили женщине, но она отказалась.

«Вы пейте, пейте, - сказала она - я ведь только что из дома».

Мы продолжили нашу беседу. Вскоре дверь снова отворилась и,

тот же мужчина, не заходя в купе, спросил: «Мама, как тебе тут? Не обижают они тебя?»

«Да что уж ты. Кто обидит? Люди-то хорошие», - улыбнулась женщина.

«Смотрите у меня!» - грозно сказал он и закрыл дверь.

«Сын-то какой у вас заботливый. Всё мама, да мама. Видно, что любит вас».

«Да что вы. Я его и знать-то не знаю! - сказала слепая - первый раз вижу. Вот помог в поезд сесть, да сумку занёс. И спасибо ему. Какой уж сын! Наверное, старше меня будет. Мне-то 36 лет.

Я первый раз внимательно посмотрел на неё. Пухлое, но красивое и очень русское лицо. Большие невидящие глаза. Ей можно было дать и 40 и 50 и больше. Бывают такие полные женщины без возраста. На плечах её лежала вишнёвая шаль с кистями, и она быстро-быстро перебирала их у себя на коленях. Глаза её блуждали по лицу вместе с улыбкой, которая то затухала, то становилась ярче.

«Может, хотите прилечь, а я поднимусь на верхнюю полку?» - предложил я.

«Нет, нет. Не беспокойтесь. Я скоро сойду. Мне тут рядом. К сестре вот в гости еду». За стенкой слышались голоса. Говорили громко, на высоких тонах, а через минуту самозванный сын снова появился в нашем купе.

«Как ты, мама? Не обижают тебя?»

Он был среднего роста. Очень худой. Короткая стрижка ёжиком. Землистого цвета кожа. На лице и шее множество мелких морщин. Торчащие уши и кадык подчёркивали его худобу. Обрамлённые морщинками глаза его выражали и усталость, и злость, и отрешённость. По лицу гуляла гримаса глубокого презрения ко всему окружающему. Говорил он низким и хриплым голосом, и, казалось, с каким-то странным акцентом. Он положил локти на верхние полки и, чтобы унять волнение, глубоко вздохнул. Длин-

ный тёмно-серый свитер без ворота болтался на нём, как на вешалке. В этом свитере он был похож на представителей новой российской богемы, призывавших всех говорить матом.

«Вы, это..., в Казани Равиля знаете?» - вдруг обратился он к нам.

«Какого Равиля?» - хором переспросили мы.

«Какого... - криво ухмыльнулся он, - да его в Казани каждая собака знает. Мне его найти надо».

«Тяжёлый случай, - подумал я, - ну раз все знают, найдёте. Да вы садитесь. Присаживайтесь вот сюда».

«А я уже отсидел своё, - прохрипел он и снова ухмыльнулся, - сегодня освободился. Мне в Казань. Равиля найти надо».

Мои попутчики сразу, как-то притихли. А мне стало весело. Может, оттого, что я рад был встрече со свободным человеком.

«Подкрепиться не хотите? У нас вот тут много всего»,

«Нет. Я вот с мамой... постою», - вздохнул он, - мама, а ты, может, поешь? У меня там тоже есть. Я принесу».

«Да нет, нет. Что ты! Я уж скоро выхожу. Меня сестра ждать будет», - сказала женщина и улыбнулась.

«Ладно, я зайду ещё», - буркнул он и вышел.

«Вот привязался лихоманка. Всё мама, да мама. Какая я ему мама? У нас на станции-то лагерь. Работают они там. Лес пилят», - она снова улыбнулась и стала быстро перебирать кисточки на шали.

Мои попутчики завалились на свои полки и листали журналы. Я тоже решил немного подремать и забрался на верхнюю полку.

Я закрыл глаза, но солнечные зайчики бегали по лицу, тормошили, прыгали по подушке и щекотали в носу. Весна! Снова весна. Обновление природы. Обновление жизни. Что-то она принесёт нам, эта весна? Я размечтался. Вдруг в стенку сильно ударили, потом послышались возня и громкие голоса.

«Неужели дерутся?»

Я спрыгнул с полки и вышел в коридор. Из соседнего купе

выскочил пьяный прапорщик. Лицо его было красным, зелёная рубашка полностью расстегнута. Он посмотрел на меня, затем сделал резкий поворот на 180 градусов и, шатаясь, бросился к купе проводника.

Наш знакомый вышел следом за ним, и я пригласил его к себе. Он не сел. Стоял в той же позе, опершись локтями о верхние полки. Его явно трясло. Он поглаживал ёжика на голове. На морщинистом лице его плавала гримаса. Такую не встретишь у обычных людей, но я видел такие в документальных фильмах о зеках.

«Легавые, - прохрипел он, - падлы».

«Да вы не ходите туда, - сказал я, - пьяные они. Не дай Бог чего... Вагон-то пустой. Места полно».

«Нет. Всё будет ажур. Я с тобой, мама. Ты не волнуйся. Я с тобой. Всё будет полный ажур»!

Глаза его вдруг яростно блеснули, и гримаса его приняла такое выражение, с которым в фильмах шпана обычно приплясывают чечёткой. Он дёрнулся, но не сплясал.

«Пойду, покурю», - он достал из кармана брюк помятую пачку дешёвых сигарет и вышел. Я стал смотреть в окно. За окном плавно плыл красивый кировский лес. Лес наводил на мысль об охоте. Воображение рисовало брусничные поляны со множеством глухарей, тетеревов и куропаток. Проснулось давнее желание купить собаку.

За окном замелькали домики. Поезд замедлил ход, подтягиваясь к очередной маленькой станции. Пахло дешёвым табаком. Я обернулся. В дверях стоял наш новый знакомый. «Ну вот, следующая станция моя», - сказала женщина и улыбнулась.

«Всё будет ажур, мама. Мне в Казань. Равиля найти.... И будет полный ажур. Я с тобой, мама», - прохрипел он.

Слово «мама» он произносил не так, как остальные слова. Говорил он с блатным акцентом, а это слово он выговаривал чётко, слегка растягивая первое ударное «а».

Слово это не гармонировало ни с обстоятельствами его

жизни, ни с его внешностью, ни с голосом, которым он его произносил.

Поезд остановился. Он вышел в коридор. Какой-то пассажир выходил на этой станции и протащил тяжёлый чемодан, стуча им по стенкам.

Я выглянул в окно. Маленький перрон был почти пуст, только старушка предлагала горячую варёную картошку с солёными огурчиками.

Вдруг в соседнем купе снова послышались громкие голоса и, что-то стукнуло. Я вышел в коридор. Наш знакомый стоял, держа руки за спиной. На запястьях у него поблескивали наручники. Один милиционер перегородил ему путь к выходу, а другой снимал его сумку с верхней полки. Я опешил.

«За что вы его?» - спросил я

«У него нож», - сказал милиционер, и они втроём двинулись по проходу. Дойдя до купе проводников, арестованный резко остановился и хрипло крикнул: «Мама, мама, прощай! Прощай, мама!»!

«У него здесь мать?» - обернулся милиционер. Я ничего не ответил. К вагону пятился узик. Милиционеры открыли заднюю дверь с решёткой и, взяв за локти, подтолкнули его в машину. В последнее мгновение он оглянулся, и что-то хриплое вырвалось у него из груди.

Поезд тронулся. Проводница закрыла дверь, и я медленно пошёл к себе. Всё случившееся потрясло меня своей быстротой. Будто из фильма кто-то взял и вырезал очень важные кадры. Проходя мимо, я взглянул на прапорщиков. На столе у них была очередная бутылка. Видимо мой взгляд что-то сказал им.

«А у него нож был. Он мог тут всех перерезать!» - словно отвечая на вопрос, с трудом выговорил один из них и быстро закрыл дверь.

Попутчики мои лежали, отвернувшись к стене.

«Что это он прощался? Ведь ему, вроде, в Казань надо было», - заговорила слепая.

«Да арестовали его. С поезда сняли».

«Ну, вот и хорошо. Так ему и надо. А то, мама, мама...», - сказала слепая и улыбнулась.

Марьям Ларина (г.р. 1947)

Журналист. Работала в оренбургской и уфимской областных и республиканских газетах. С 1985 г. ее творческая деятельность протекает в Елабуге – в газетах «Новая Кама», «Вечер Елабуги». В 2006 - 2013 гг. – основатель и редактор многотиражной газеты Елабужского государственного педагогического университета «UNВести». Автор книги публицистики «Елабуга гостей не забывает». Живет в Казани.

ИЗ «ДНЕВНИКА ЕЛАБУЖАНКИ» И ВСЁ ЭТО ОНА - НАША ЕЛАБУГА

Весенняя трель соловья каждый год раздаётся недалеко от моего дома. Быть может, это один род - дети, внуки, правнуки того соловья, который поселился здесь когда-то. Должна же быть у них какая-то привязанность к насиженному месту. Или им все равно, на какой улице, на каком дереве?

Вот только и остается, что к соловьям прислушиваться, когда отходишь от свирепого гриппа. Не пропустил-таки и меня. Теперь с тоской посматриваю в окно на огород соседки Нины Кучумовой и вижу аккуратные грядочки, присыпанные белыми опилками. А мой огород стоит. Но эта беда - еще не беда. Вот уже неделя, как приехала и ждет меня на «восточке» моя долгожданная маленькая внученька Камилла, а я заразная...

«Я приехала из Сампитейбуйга», - сообщила она по телефону, поторопив меня «выздороветь». А я и сама спешила, так спешила, что грипп насмешила. Едва пошла на поправку, решила перемыть посуду. А ночью - опять 39 и все по новой, даже хуже. Как все это нелепо и досадно, не стоит и говорить. Теперь уж одна забота:

уберечь от вируса маленькую гостью. Правда, она уже перенесла грипп там, в Питере. А лечить ее помогал Роальд Федорович Клемент – в прошлом врач, кандидат медицинских наук, а в последние годы – писатель, автор увлекательных автобиографических книг. Иные из них давала мне почитать Вероника Тимофеевна Романовская. Благодаря ей и познакомилась моя с Роальдом Федоровичем. А сама Роня, как я называю её, знакома с ним со времён войны, когда семья Клементов жила в Елабуге, в тылу. Брат Романовской Стасик и Роальд Клемент учились в одном классе, дружили, о чём написал рассказ, между прочим, не С. Романовский, хотя это наш известный писатель-земляк, а как раз Ф. Клемент.

...Бывает, какое-то «модное» произведение у всех на языке, и ты во власти всеобщего увлечения, наконец, тоже берешься за него. И что же? Полное разочарование. Так было, когда мне дали почитать «Алхимика» Коэльо.

– Ну, как тебе? - нетерпеливо спросила меня Лена Самохина.

– Ты знаешь, по-моему, восьмиклассницы из села Морты напишут не хуже. Просто он нашел прием: пролетели две вороны - знак, топот копыт - знак, красный закат - знак. Правильно прочтешь знаки - судьба сложится, нет - рок...

Лена защищала Коэльо, но мы обе остались при своем мнении. Я, конечно, утрирую, книга не так примитивна, а раздраженье моё – от того, что ожидаешь невесть чего, раз уж все хвалят и хвалят. А бывает, наоборот: ведать не ведаешь про какую-то книгу, открываешь ее случайно, а она вдруг захватит тебя в плен. И полы плохо помоешь, и картошку не дожаришь, потому что торопишься сделать всё быстрее и скорее - читать. Так я впилась в книгу Роальда Клемента. Вот несколько строк о его пребывании в Елабуге: «Из Ленинграда уехали мы с институтом физики, где работал отец. Ехали целыми семьями, в теплушках... Наше елабужское житье-бытье достойно отдельной книги, здесь же я только отмечу, какие новые влияния испытала моя детская душа в этот период.

...Я подружился со Станиславом Романовским. Между мною

и Станиславом не было никаких тайн. Пережил я в Елабуге и свою детскую любовь. Влюбился я сильно. Душа моя вся была полна ею, я думал только о ней. Но, наверно, любовь пришла ко мне раньше времени. Хоть девочка и не отвергала ее, ни выразить свои чувства, ни, тем более, реализовать их я не мог, и провел целый год в страшных душевных муках, которые стали угасать только с отъездом из Елабуги, и то не сразу. Эпизод этот, очевидно, сказался на всех моих дальнейших отношениях с девушками. «Любовь - мука», и никогда уже не могло быть иначе».

...Когда не вымыслы, а подлинная жизнь другого человека проходит через сердце читателя, происходит странная вещь. Становится близким этот мальчик, мучившийся когда-то в Елабуге. Кстати, мучился он не только от любви. Ватага местных «мальчишек-татарчат», его ровесников, нещадно избивала его. Они почему-то не любили эвакуированных. Но вот прошло 60 с лишним лет, и в Питере Роальд встретился с маленькой татарочкой из Елабуги - Камиллой. Они подружились. Она восхищает его, смешит и даже учит уму-разуму. «Это что такое?» - спрашивает Камилла, показывая на костыли, когда они были в гостях у Роальда Фёдоровича. Он медлит с ответом, стараясь найти слова, понятные двухлетнему ребенку. Она не выдерживает: «Да костыли это!» Кандидат медицинских наук даже ахает от изумления... Малышка весело смеется, не выпуская изо рта свою любимую соску. (Если вдруг не находит ее под рукой, сразу же обобщает: «Мне всю жизнь не могут найти соску!»)

Порой кажется, что в любом городе останови прохожего и вникни в его судьбу, и от нее, от этой судьбы, непостижимым образом какая-нибудь ниточка да потянется в сторону Елабуги. И то сказать, многих за 1000 лет выпестовала, а кого-то изгнала, многих родила, а кого-то казнила, многих вписала в свою историю, а кого-то забыла... и всё это она, наша Елабуга.

НАШ ПИСАТЕЛЬ

Благодаря Станиславу Романовскому вошла в русскую литературу красота нашего края. Только сборник «Круг жизни» в 1982 году вышел тиражом в 100 000 экземпляров. Вот кавалерист-девица Надежда Дурова прожила в Елабуге много лет (последние 25 - безвыездно), но так ничего о нашем городе и не написала. Дмитрий Стахеев родился в Елабуге, а с четырнадцати лет покинул ее навсегда. В его произведениях о купцах, о природе можно найти только отдельные елабужские мотивы, да и они не так нежны, как у Романовского. Вот и получается, что это наш главный писатель.

Недавно исполнилось 10 лет, как перестало биться сердце Станислава Тимофеевича. В училище культуры отметили эту дату красиво. Организовала всё Лариса Васильевна Бычкова – давняя поклонница и исследователь творчества писателя.

...В той самой аудитории, где С. Т. Романовский читал в молодости лекции студентам, о нем с благодарностью говорили его бывшие студенты, ну а сегодняшние посвятили ему концерт. Литературная композиция на татарском языке заканчивалась так: «Рехмет, Станислав Тимофеиш!». «Тимофеиш» – нарочито сказанное с акцентом, прозвучало как простая истина: все мы - и татары, и русские - одно целое на этой древней земле.

Александр Кабанов бесподобно играл на трубе, ему аккомпанировала лучшая пианистка города Зубаржат Садыкова, а завершил концерт ансамбль юных баянистов и гармонистов.

...Все мы бываем у реки, ходим на луга, разговариваем на рынках с торгующими всякой всячиной, но лишь писатель не просто видит и слышит всё это, а записывает. Вот эпизод из рассказа Романовского «Вятский рынок»: «Продавцы стоят за деревянными прилавками или сидят на складных, для зимней рыбалки, стульях или на земле, где что-то постелено. А перед ними чего только нет! О существовании некоторых предметов вы и не подозревали. Вот, пожалуйста, жестяная пельменница. Раскатайте тесто, и она

чуть ли не сама нарежет его на ровные островки. А вот изделие 18 века - костяная палочка для ковыряния в ушах. Можете приобрести банный камень для размягчения и последующего устранения мозолей на ногах. Есть тут и роман Семена Бабаевского «Кавалер золотой звезды».

Послушайте! Да это же и о нашем сегодняшнем рынке! Всё - так! Даже эту самую книгу Бабаевского видела недавно на трюпочке, постеленной прямо на землю. Продавала седая женщина. Вряд ли кто купил у неё «Кавалера золотой звезды», а вот 12 томов Чехова купила я. Пенсионерка, когда-то подписавшаяся на собрание сочинений классика, видимо, решила расстаться с ними не потому, что разлюбила Чехова, а потому, что современная действительность очень невнятно отвечает на ее вопрос: «Как жить на пенсию?»

Сегодня вопросов у всех много. Елабуга живет ожиданием «пришельцев» на свободную экономическую зону, их даже от налогов избавляют. Понравимся ли мы друг другу?

КАК Я ИСКАЛА МУЗЕЙ ЛЕНИНА

Первое, что сделал июль - прогнал всех с пляжа. Отпускники, еще недавно полагавшие, что им повезло с графиком отдыха, разочарованно смотрели на облака, за которыми скрывалась безжалостная небесная канцелярия. Вместо купальников пришлось натягивать теплые одежды. Но делать нечего, как говорил Достоевский, «смирись, гордый человек».

Приуныли и мои, появившиеся было на грядках, огурчики с мизинчик. И так уж плохо росли... В июле огурцы покупают только ленивые и неумелые огородники. Как всегда, я в их числе. Ну ладно, хоть на засолку, может, свои вырастут.

На рынке задавать вопрос «Когда сорвали?» бесполезно. Ответ всегда один: «Сегодня утром». Попалась я еще на один хитрый ход: зная, что танаевские овощеводы славятся, к их авторитету пристроились перекупщики. Привезут невесть откуда и

продают как «свои, танаевские». Купила я такие у одной молодой женщины возле 37 магазина. Иду, довольная. Рынок гудит, пахнет укропом, ягодами, молодым чесночком... Вдруг у лотка с огурцами по 18 рублей вижу Людмилу Пахомову и кидаюсь «спасать» ее от глупости.

– Людмила, вон там танаевские по 16 есть!

– Эх, миленькая, никакие они не танаевские, - вступают в разговор бабуся с овощами. - Мы всю жизнь в Танайке живем, всех знаем. А эта - не наша...

Людмила с улыбкой складывает в свою сумку молодые огурчики.

Но я не слишком переживаю, потому что, в конце концов, каждый привыкает к своей роли в этой жизни. Моя роль – быть одуроченной. «Вас надо привязывать к машине, как привязывают на почте ручку», - сказал мне недавно водитель машины, когда я отошла метров на 20 за газетой к киоску и... потерялась. Это было в Казани, где возле тротуаров всегда полно машин, а я никак не могу научиться отличать их. Но дальше было ещё смешнее.

– Домой будем отъезжать от музея Ленина, встретимся в 16 часов, - сказали мои добрые попутчики, взявшие меня в Казань по давней нашей дружбе. Мы расстались, каждый по своим делам. Сделав всё намеченное, помня о своем «топографическом крестинизме», я отправилась к месту встречи пораньше. Первый ориентир - памятник Державину - я нашла довольно легко, но дальше путь оказался более сложным.

– В какой стороне музей Ленина? - спросила я патрульного милиционера.

– Не знаю. Я туда не хожу, - коротко ответил он.

– Вон там какой-то музей есть! - радостно направил меня молодой человек, и через три минуты я оказалась у входа в республиканский музей изобразительных искусств.

– Ах, вам надо было повернуть направо от Державина, - подсказала мне пожилая дама. Пройдя два квартала, я решила уточнить, правильно ли иду, и опять услышала: «Не знаю». Давно

ли пели: «он живой, он вечно рядом с нами», и вот уже следов к музею вождя не найти, - недоумеваю я.

Увидев мужчину в белой рубашке, с большим букетом цветов в руке, я подумала: «Ему примерно лет 70... Значит, он из того поколения, которое даже кромешной ночью найдёт ленинские места». Действительно, мужчина обстоятельно объяснил мне дорогу.

– Спасибо. Вы на редкость просвещенный человек в отличие от других прохожих. А я вот из Елабуги, плохо ориентируюсь... - не успела договорить, как:

– О, Елабуга! Там работают мои ученики. Я - главный эндокринолог республики. Талантов - моя фамилия. Счастья вам!

Я могла бы спросить, почему же он не «расплодил» учеников побольше, почему в нашем городе так не хватает эндокринологов? Но не стала омрачать академику приятные минуты предстоящей встречи с кем-то, кому он нёс букет.

...По дороге из Казани часто встречались женщины и подростки с ведрами, наполненными лесной клубникой. На остановке у мамадышского базарчика ко мне подбежала черноглазая молодая татарка, предлагая купить у нее ягоды.

– Нет, не возьму, вы вдоль дорог, наверно, собирали, - возразила я.

– Билляхи, нет! - страстно побожилась женщина.

Пришлось купить. А теперь вот думаю: и хорошо сделала, ведь это маленькое ведро ягод, для меня, наверно, последнее в этом сезоне – холодном и пасмурном.

БЫТОВОЙ ОПТИМИЗМ

Художественный беспорядок в огороде я довела этим летом до абсурда. Помидоры, презрительно отворачиваясь от лебеды и осота, будто оберегая свои плоды от их дурного влияния, самостоятельно, без моей помощи принесли хороший урожай. (Вот так порой в пьющей семье дети, предоставленные сами себе,

каким-то непостижимым образом вырастают трезвенниками).

Я собрала помидорины размером с кулак Ильи Муромца. Разложила их по подоконникам, чтобы краснели. Но уже через пару дней увидела, как многие из них покрываются бурым налетом, и вспомнила: прошлой осенью было то же самое. Неужели опять?! – сокрушалась я. А помидоры упрямо продолжали буреть и гнить. Пришлось все выбросить.

– Как?! Вам удалось сохранить урожай? - сказала я Нине Сергеевне Яковлевой, увидев, как она везет со своего огорода тележку с сумкой, полной отличных красных томатов.

– Многие нынче жалуются, не только вы, - ответила она. - А я свои спасаю от этой напасти: во время цветения или чуть позже обрабатываю чесночным раствором все кусты. Вы тоже так делайте. Как мне жаль, что ваш труд пропал...

Я слышала в ее голосе неподдельное сочувствие. У Нины Сергеевны добрая душа. Причем это видно даже когда подходишь к ее дому. Как-то мне понадобилось пойти к ней, и я по обилию пышных цветов угадала ее подъезд, а по репродукциям картин Шишкина, развешанным по стенам внутри подъезда, угадала ее квартиру. Она из тех неугомонных пенсионерок, которых хватает на все. Зимой я встречаю ее с лыжами. Не давая времени обогнать себя, она несется по жизни, как в той комсомольской песне: «Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути...»

Идут они как-то с мужем по улице, возвращаются с платьемойни, он катит тележку с чистым бельем.

– Ой, тяжело, наверно, вручную полоскать... - сочувствую я.

– А мне так больше нравится! Машинка есть, но на платьемойне лучше.

Я не нахожу, что ответить, потому что это выше моего понимания, ведь я любую работу, какую только можно, стараюсь свалить на технику. Когда в придачу к стиральной машинке «Фея» я купила центрифугу, то долго хвалилась на работе своим приятельницам: «Как удобно! Уложу белье, нажму на кнопку и стою рядом: «Работай, скотина!» Они в ответ как-то странно улыбались.

А потом, когда я сумела в кредит купить машинку-автомат, приятельницы «раскололись»: у них уже давно такие...

Да, женщин, у которых стирка белья не пожирает время, становится все больше. Только за это я поставила бы памятник Горбачеву! Михаил Сергеевич, конечно, вы не собирались менять однопартийную систему, но сами того не ожидая, неуклюже зацепили «железный занавес» и обрушили его. Сегодня я, далёкая от политики, готова превозносить вас за те скудные блага, которые имею, которых не было при советской власти, а домашний труд женщины был похож на рабский.

Последний генсек подарил мне выходной день, который я каждую неделю гробила, стирая бельё. Он же вручил мне кухонный комбайн, без которого я уже не представляю ни заготовку салатов, ни засолку капусты. Да что там, современная женщина уже даже варенье не варит! Все помешались на сохранении витаминов. Комбайн за считанные минуты делает фруктовое пюре. Перемешав его пополам с сахаром, я оставляю на несколько часов в эмалированном тазике, пока не растворится сахар. Остается разложить по банкам - и витамины готовы.

Но даже при таких удобствах, сколько еще женского труда лежит на наших плечах. Я - не продуктивна, завидую энергичным, хозяйственным женщинам. Мне жалко всех, задавленных бытом, готовкой завтрака, обеда и ужина, далеких от театров и хорошей музыки. Как взмыленные лошадки, мы торопимся справиться с бесконечными делами - сегодня, завтра, послезавтра...

А дни бегут, бегут, бегут...

Вот уже и август. С яблонь падают яблоки, а с неба - звезды. Купальный сезон завершается, так и не насытив любителей поплавать. Прочитала в интервью с президентом республики М. Шаймиевым, что он редкий день пропускает плаванье в бассейне, и назвал цифру, сколько километров он проплыл в этом году. Даже зимой плавает в собственном тёплом бассейне! Интервью интересное ещё и тем, что журналист, довольно робко, но осмеливается задавать непривычно острые вопросы. Разбух чиновничий

аппарат, уже переплюнули советские госслужбы, чем это можно объяснить? Расслоение общества стало слишком явным, богатые богатеют, а бедные беднеют, как тут быть? Но ни один из названных журналистом фактов не вызвал со стороны президента какого-то возмущения.

ИХ ВДОХНОВЛЯЕТ МАРИНА

У нас появилась собственная переводчица стихов Марины Цветаевой на татарский язык. Это Гульзада Ахтямова. Недавно в библиотеке Серебряного века состоялся её творческий вечер. Говорилось много, но я здесь приведу слова только профессора нашего вуза Дании Салимовой – специалиста по татарской и русской филологии: «...Уровень переводов Ахтямовой – не всех, но семи-восемью стихотворений – достоин того, чтобы публиковать их в любом литературном журнале! Такого еще не было, хотя я внимательно читала переводы челнинского поэта Мансура Сафина. Считаю, что именно у Ахтямовой совпали и смысл, и ритмика, и темперамент Цветаевой».

Соглашусь с Данией обеими руками: у Сафина получается как бы другое произведение, а Гульзада Ахтямова строку за строкой «ведет» именно текст Цветаевой. Это же невероятно трудно: найти рифму в совершенно непохожем языке и при этом не исказить содержание! Остается только сожалеть, что Ахтямова, будучи уже известным местным литератором, так долго не приступала к тому, на что имеет явные способности. Ей явно не хватает и сафинской жизненной энергии. Мансур в своих Челнах едва ли не главный «магнит», притягивающий к Марине Цветаевой октябрьскими кострами в её честь.

А как он легок на подъем! Выезжает на любые «цветаевские» мероприятия и читает там свои переводы. Гульзада другая, камерная, что ли... Она вообще едва ли решилась бы приступить к переводам, не будь вдохновительницы Мавлиды Сираевой.

Так что - спасибо обеим. Цветаева на татарском предстала

такой же, как на русском – мятежной, гордой, слабой и сильной одновременно.

С этим поэтом связано ещё одно событие недели. Мне передали прибывшую из Америки книгу Юлия Зыслина, эмигранта, фанатично влюбленного в поэзию Цветаевой. Поклониться её могиле он приезжал в конце 80-х, тогда мы и познакомились, потом переписывались, то есть мы знакомы с ним с давних лет. Перестройкой он воспользовался, чтобы перевезти свою семью в США, открыл в Вашингтоне Музей поэтов Серебряного века.

И вот прислал книгу, которой я зачиталась с первых страниц. Как темпераментно описывает он поиски тех или иных экспонатов! Идти «по следу», переживать, найти и ликовать, сделав подлинное открытие – таков стиль всей книги. Рассказывая о том, как он нашел «берестяную книгу» Анны Ахматовой, Зыслин отсылает к одной публикации в уфимской комсомольской газете «Ленинец». (О, этот голубой шарик в самом деле тесен! Я же работала в этой газете! Там я встретила Зилю Валееву – юную удачливую журналистку, а ныне министра культуры Татарстана).

...Существует особая порода людей с удесятеренной энергией. Найдись и у нас увлеченный энтузиаст типа Зыслина, можно было бы издать сборник (еще какой!) о дарениях и дарителях в музей-заповедник. Ведь каждый подарок связан с судьбой дарителя, а Елабуга притягивает людей с удивительными судьбами. Тут главное не засушить рассказ, а «вызвать художественное переживание», как это умеет делать Зыслин. Эх, найти бы такого елабужского «Зыслина»!

МАЙ В ПРОВИНЦИИ

«Ты в синий плащ печально завернулась...». Женя Поспелов в синем плаще шел к остановке. Я радуюсь любой встрече с ним. До прихода «маршрутки» мы успели перекинуться парой слов. Я спросила, и он вежливо ответил мне, что не читал моей публикации о нем. Так водится уже давно. Еще в прошлом веке, когда

не было никакого сборника Пospelова, и читатели (кроме друзей Жени) не знали, что есть такой поэт в Елабуге, я (с благоговением!) публиковала при случае его стихи в городской газете, а он и не интересовался, что я выбрала, как это смотрится в газете.

Однажды я выбрала стихотворение, посвященное мне, а под ним свой ответ ему. Вот как это выглядело:

Евгений:

Когда-нибудь и я тебя прощу,
Я буду спать впервые безмятежно,
Как старец, бормоча во сне потешно,
Проснувшись же, вздохну и поворчу.

И будет длинной жалоба врачу,
Что, мол, и жить устал, и зря, конечно,
Жил слишком экономно и безгрешно.
И лишь о нас с тобою промолчу.

Я выйду в сад – он будет весь в цвету,
Но никого не встречу, не найду...
Врач будет из окна следить за мною.

Я вспомню, что вчера тебя простил.
За что – Не знаю. Из последних сил
Я улыбнусь. И обнимусь с землею.

Всё это выдумки, игра, химера, просто великодушный подарок поэта восторженной поклоннице. Но и ей, то есть мне, захотелось зарифмовать свои чувства к Евгению:

В этом мире бесконечных драм
Ты, ни в чем не знавший полумеры,
Изрешеченный чредою телеграмм
От Любви, Надежды или Веры,
В скудном доме с мерзлыми полами
(Заслуживший сказочный дворец!),
Ты в Елабуге поэт лишь между нами,
Хоть об этом знает сам Творец.
И пройдет, быть может, целый век,

Прежде чем поймут, поверят миру
Даже дураки: здесь жил поэт,
Выстрадавший собственную лиру.
Я живу не лучше, не богаче,
Твою участь, разделив частично,
Холод по полу почти собачий.
...Как в твоих стихах я романтична!

Это было написано ещё в XX веке, когда Женя не был известен как поэт, а я прозорливо увидела его будущее. Причем ещё не все сбылось. Сбудется!

Узнала, что недавно в бибсервеке (так мы сокращаем длинное название) прошла презентация книги Джавдата Галимова о жертвах репрессий в Елабуге. Я знаю, что и Шамсия ханум, и Ария Хабибовна были бы рады мне, столько раз писавшей об их убиенных отцах. Да и сам Джавдат - герой моего очерка. И вдруг без меня. Как же так? Мне скажут: в газетах было приглашение для всех. Но я его не видела, меня обычно индивидуально оповещали.

Зачем ты так переживаешь и ломаешь свою малюсенькую головку? Сходи лучше на праздник, отдохни, — сказала я себе и пошла 1 мая на площадь, а там... Женщины и дети — ну чисто весенние цветы.

— Хочешь кататься? - спросил маленькую девочку высокий мужчина в светлом пуловере и обратился к жене: «Дочь просит денег на батут». Жена расстегивает кошелек. Почему-то деньги всегда у женщин. В городском транспорте постоянно замечаю: расплачивается за двоих прекрасная половинка, а не сильная. Когда это повелось и от хорошей ли жизни? Кто бы не хотел доверить бюджет семьи надежному, непьющему супругу? Но таких мало. Вот один редкий экземпляр ходит вокруг своей благоверной и то сок ей в коробочке принесет, то пирожок, а то просто руку погладит. Им на двоих уже лет 140. Она, видимо, и в молодости была не красавица, а уж в старости (природа свирепо расправляется почему-то именно с женщинами) у неё не лицо, а сюр какой-то — точно сумасшедший художник нарисовал клеточки. Но

супруг... Чудо! Невооруженным глазом видно: не представляет он уже своей жизни без этой «квазимодушки». Вот оно, счастье, как выглядит. Смотрю и завидую. А она даже пирожок не доела, капризно протянула ему, он услужливо взял, положил в пакетик. Говорю же – чудо!

На сцене - сплошные таланты. Вышла петь Вероника Рожина. Я не раз слушала её, когда она ещё в детский сад ходила. Ух ты! Какая большая стала. «Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной...». Даже странно, что и сегодня дети поют наши песни. Новых не придумали им, что ли.

Девочки в брючках ниже талии и коротких кофточках, между которыми, естественно, обнаженные животики, - это современные татарочки. И поют они шлягер: «Мин сине яратам! Яратам! Яратам! Мин сине барыбер уземе каратам!» Так и будет ведь! Огонь, а не девчонки! Праздник! Только у нас, в провинции «МИР, ТРУД, МАЙ!» понимают буквально. В крупных городах в этот день прошли митинги протеста против жалких пенсий, зарплат и коррупции среди чиновников.

Татьяна Привалова (г.р. 1965)

В 1986 г. окончила филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Была оставлена на кафедре русского языка, где проработала ассистентом до 1990 г. Позднее работала учителем русского языка и литературы в лицее №1 Елабуги. Стихи и проза печатались в сборниках «Пегас» (Чита) и отдельной книгой «Епархиалка» (Набережные Челны, 2015). Живет в Елабуге.

Сказка о карандашах

Жили-были в картонной коробке цветные карандаши. Их было восемь братьев. Жили они дружно, помогали друг другу, делали так, чтобы всем было хорошо. Они создавали рисунки все вместе, потому работы у них всегда получались красивыми, яркими, сочными. И цвета у карандашей были яркими, у каждого свой: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый и черный.

Вот как-то раз заспорили братья, кто в их работе, в рисунке самый важный, самый главный, без какого цвета не обойтись. Желтый громко произнес: «Я – самый главный, без меня солнышко нет, не будет яркого солнечного света днем, а ночь останетесь без луны». Голубой стал спорить: «Я важнее, потому что без меня не будет неба, а солнышко живет на небе». Зеленый не соглашался и не собирался отступить, он говорил, что без него не будет травы и деревьев, будет пустыня. Красный молчал, потом и он вступил в спор: «Как вы мыслите жизнь без красного цвета? Как же красные розы, красное сердце, красные губы, красный закат?». Оранжевый не уступал: «Без меня не нарисуете апельсины, а ведь их так любят

дети». Синий карандаш засмеялся и сказал: «А как вы нарисуете море без синего цвета: Я нужный цвет». Фиолетовый долго молчал, выслушав всех, он заявил: «Вы нужны, без сомнения, но без меня не обойтись, без меня не нарисовать сирень». Черный карандаш не вступал в полемику, пока все не выскажутся, потом он громко сказал: «Все это так, все нужны, но без меня не обходится ни одна краска, я подвожу, очерчиваю, оттеняю, а значит, я самый главный». Долго спорили карандаши, потом черный заявил: «Попробуйте жить без меня». Красный придумал выход из ситуации и предложил он карандашам такое: пусть каждый рисует картину, к кому больше будут обращаться – тот и самый важный.

Карандаши принялись за работу. Вот желтый на своем листе нарисовал солнце вверху и одуванчики внизу листа, в середине домик, стал просить он голубой карандаш помочь нарисовать небо, зеленый – траву, красный – цветы, синий – реку, оранжевый – бабочек, фиолетовый – кусты сирени, черный – столы деревьев. Посмотрели на рисунок карандаши и поняли, что их сила – в единстве, поодиночке они ничего не стоят.

Звездочки и девочки

Жили-были в одной семье две девочки, хорошенькие-прехорошенькие. Глаза голубые, волосы кудряшками, личики румяные, на щечках ямочки – просто куколки. Всем хороши девочки, похожи друг на друга как две капли воды, только одна постарше, другая – помладше. А еще разнились маленькие барышни характерами. Младшая была добрая и ласковая, старшая – чуть вышекомерная.

Мама любила девочек, баловала их, многое разрешала им, покупала красивых кукол и многочисленные наряды. Папа тоже любил девочек, многое прощал им по непониманию.

Девочкам нравилось смотреть на небо, мама показала им звезды. Она и рассказала про падающую звезду, о желании, которое она может выполнить, стоит загадать свое желание, глядя

на падающую с неба звездочку. Девочки стали часто по вечерам поглядывать на небо в поисках падающей звезды, но все было безуспешно.

А на небе жили две хорошенькие звездочки с мамой-звездой, они ярко светили по ночам. Иногда тучка закрывала их, тогда они могли отдохнуть.

Одна девочка мечтала увидеть падающую звезду, чтобы все это видели и любовались явлением, это было ее самое заветное желание. Другая хотела стать самой красивой.

Однажды девочки стояли у зимнего окна и смотрели на вечернее небо, на зажигающиеся звезды. Одна из девочек прошептала свое желание увидеть падающую звездочку.

Маленькая звездочка на небе мигнула и, попрощавшись со своей мамой, покатила вниз. Девочка была в восторге – она увидела то, о чем мечтала. Полет яркой маленькой звездочки! Не только она видела полет звезды, многие люди любовались яркой вспышкой, быстрой розовой полосой оставленного следа на небе. Старшая девочка загадала свое желание.

Мама-звезда только тихо охнула, услышав желания. Младшая девочка загадала желание для всех, и мама-звезда с удовольствием подумала о том, что ее маленькая звездочка не зря упала с неба. Желание старшей девочки осталось без внимания, ведь звездочка могла выполнить только одно желание.

Зимняя сказка

Пришла зима, снежная, вьюжная. Снега намело столько, что по утрам приходилось поначалу прокладывать дорожку от дверей до калитки. По утрам отец отгребал большой деревянной лопатой горы наметенного за ночь снега от входной двери, и только потом мы выходили в путь.

А вечерами было скучно, не поиграть на улице, не пройтись, завязнешь тут же. Вот и приходилось сидеть дома у окошка. Танечка смотрела в замерзшие стекла и мечтала. Ведь скоро Новый

год, придет Дед Мороз и принесет подарки. Они с мамой уже и елку нарядили – вот она какая красивая стоит в самом центре комнаты!

А на замерзших стеклах узоры один краше другого. Вот тут и сказочные деревья, лисичка с пышным хвостом замечает следы, зайчишка с длинными ушами под мохнатой елочкой, вот и волчья голодная пасть, белка с высоко поднятой головой и большим пушистым хвостиком готова прыгнуть с дерева вниз за шишкой. А на этом окне и вовсе чудесные узорчатые скатерти с разными птичками по бокам, разнообразные узорные листья и необыкновенной красоты травы, зачарованный лес стоит в тишине и молча наблюдает за всем...

Танечка и не заметила, как заснула. И приснился девочке удивительный сон – сказка. Попала она в тот самый загадочный лес с морозными тропами и резными узорами. Встретила и зайку с длинными ушами, рыжую плутовку лисицу, серого волка, только они все были не страшные, а приветливо улыбались и махали дружески лапкой в приветствии. А девочка все шла и шла по заснеженному лесу, очарованная его красотой. Елочки были в белых шубках, сосенки приоделись в мохнатые шапки, с берез свисала снежная бахрома. По глубокому снегу вглубь леса вели следы, кто-то здесь только что прошел, потом пробежал зайчишка, за ним охотилась лисица. Танечка направилась по проложенным следам, шла она долго, утомилась, но вот впереди избушка.

– Как в сказке!- подумала девочка. И правда, избушка была окружена елочками, вся в снегу, с крыши свисали сосульки, окна домика были искусно покрыты узорами.

– Наверно, тут и живет Дед Мороз, - решила девочка. Она подошла к двери домика и постучала. Дверь открылась, на пороге стоял самый настоящий Дед Мороз. Он был с длинной белой бородой, в шубе и валенках.

– Здравствуй, Дедушка Мороз! – вежливо поздоровалась Танечка. – Вот пришла к тебе в гости, очень хотелось увидеть, как ты живешь. Может, помочь тебе с подарками? А у тебя есть Снегу-

рочка? А где будут праздновать Новый год зверятки твоего леса?

Дед Мороз, пряча улыбку в усы, внимательно слушал и не перебивал маленькую гостью. Он пригласил ее в домик, предложил погреться с дороги и рассказать о себе. Танечка не заставила себя ждать, она с жаром рассказала о себе, своем друге Вовке, о своей елке, уже наряженной в бусы и шарик, о подарках, что ждут ее под елкой.

Оказалось, что на праздник звери могли оказаться без Снегурочки, Дед Мороз пригласил Танечку заменить его внучку и провести сказочный вечер в кругу друзей в сказочном лесу. Она с восторгом облачилась в предложенную шубку и шапку, и они пошли к самой пушистой елочке в лесу. Вот Дед Мороз хлопнул в ладоши, им елочка стряхнула с себя снег и оказалась вся в блестящем праздничном наряде, тут были и яркие шарик, и многочисленные бусы и гирлянды. Дед Мороз хлопнул второй раз, и перед ним появился огромный мешок с подарками. Он еще раз хлопнул в ладоши, и в хороводе вокруг елочки собрался весь лесной народ. Казалось, веселью не будет конца. Но вот настал долгожданный момент: Дед Мороз стал раздавать подарки. Зайцу он вытащил из мешка большой зеленый кочан свежей капусты, белку угостил горстью орехов, лисичке достал сахарную голову, ежику – вкусно пахнущие яблоки, мишке – бочонок меда, пусть лакомится, сладкоежка! Всем подарки из мешка доставал Дед Мороз, а мешок все не убывал. Вот очередь дошла до Танечки.

– Чего ж тебе подарить-то, внученька? Дед Мороз на минутку задумался, потом пошептал чего-то над мешком и вытащил оттуда большую красивую куклу с закрывающимися глазами и в красивом платье.- Держи, милая, вспоминай Деда Мороза. Танечка, крепко держа куклу в руках, горячо поблагодарила старого Деда, мешок опустел – хоровод вокруг елки распался....

Открыла глаза заспанная Танечка и обнаружила себя у замерзшего окна с расписными узорами. А кукла, та самая кукла, что подарил Дед Мороз, сидела у стекла и смотрела на мир широко открытыми глазами. Это было на самом деле или это сон? Не важ-

но. Главное, что все хорошо.

Это ли не сказка, когда мечты сбываются...

Сказочка про Инет

– Ну, чего расселась, дай мне клавиатуру, я тоже поиграть хочу.

Я в растерянности оглянулась: никого, я одна сижу за компьютером, ночь, все спят давно. Наверно, почудилось. Сейчас вот допишу рассказ и спать пойду. Эх, поиграть хочется, чуть-чуть совсем. Открыв свои любимые шарики, я углубилась в игру: надо как можно больше баллов набрать, собирая шарики. Забыв обо всем, я как-то не заметила, что кот мой стал лапой мне помогать.

– Ты не видишь, вот так нажми и сразу десяток соберешь.

Я опешила, мой кот разговаривал со мной, да не просто говорил, а еще советовал. Как играть, что делать, чтоб выиграть.

– Василий, мой Василий, ты заговорил?

Кот молча протянул лапу к кнопочкам и положил свои мохнатые лапы на клавиатуру.

– Ты поиграть хочешь?

– Знаешь, - мечтательно протянул котище, - мне больше нравится детская игрушка про Машу и Медведя, та сцена, где мишка рыбку ловит. Сыграем?

Я смотрела на своего кота круглыми непонимающими глазами, у меня пропал даже дар речи.

– Ну что ты застыла, давай уже включай! Кот нетерпеливо перебирал лапами и шевельнул пушистым хвостом. Я закрыла глаза и посчитала в уме до десяти, думая, что все это лишь мерещилось, казалось сном. Открыв глаза, я обнаружила кота сидящим за клавиатурой: он самостоятельно нашел и открыл уже понравившуюся игру.

– Нет, этого не может быть, просто не может быть, я не могу поверить в увиденное и услышанное. Это просто мои больные галлюцинации, звуковые и слуховые. Только почему они сразу приходят вместе, и те, и другие?

Я мысленно окинула взглядом комнату: все так же тихо, все спят, одна я с котом тут сижу и в компьютер гляжу. Сон прошел совершенно. Мне так не терпелось посмотреть на действия кота, что я отстранилась, дав ему простор действий. Василий, нежно мурлыкая, следил за экраном и быстро лапкой нажимал нужные клавиши. Вот он дошел до любимой сцены с рыбалкой и стал помогать экранному мишке ловить рыбку. Надо сказать, реакция у кота отменная, он прошел этот уровень с первого раза, что не удавалось сделать ни мне, ни моей дочери, ни сыну, мы тут застревали надолго.

Вот и последний уровень, вот и конец игры – хлопают фанфары. Молодец, мой пушистенький! Теперь можно и спать. Я погладила кота по спинке, похвалила его и мы отправились на боковую на стоящий в комнате диван.

Проснулась я от щекотки – хвост кота щекотал мой нос. Подняла голову и ужаснулась: уснула прямо за экраном, как говорится, на рабочем месте. Рядом сидел Василий и укоризненно качал головой.

-Что молчишь? Ну проспала, надо теперь наверстывать. Быстро умываться и на кухню. Кот прыгнул со стола и важно пошел следом.

Кот только жалобно мяукнул. Почему он не разговаривает? Мне все это приснилось? Так и не придя ни к какому выводу, я отправилась пить чай. Однако, жаль, что это только сон. А сон ли? И я с надеждой поглядела на кота. Тот понимающе выгнул спинку. Будет ли продолжение? Поживем – увидим...Надо готовить завтрак, будить остальных домочадцев.

Драма

Андрей Иванов (г.р. 1974)

Окончил филологический факультет Елабужского государственного педагогического института (1994-1999). Исследователь-краевед. Работал в Елабужском государственном музее-заповеднике заведующим отделом краеведения, сейчас заведует библиотекой «Серебряного века». Автор многочисленных статей по краеведению в республиканской и местной печати, а также книги «Николай Пинегин: очарованный Севером» (2009 г.) Живет в Елабуге.

ОТ А ДО Я

Из главных (и не очень) действующих лиц укажу лишь пятерых.
Люба (24 года), директор службы новостей телеканала «А-Я ТВ»
Раид (22 года), оператор телеканала «А-Я ТВ»
Ляйсана (24 года), журналист этого же телеканала
Инспектор ДПС (ему за 25, но меньше 35 лет)
Водитель скорой помощи (50-60 лет)

КАРТИНА 1.

На обочине дороги, по которой за всё время действия проедет только паркетник и большегруз, но это будет позже, останавливается легковой автомобиль с логотипом на капоте и буквами размером в ладонь на боковых дверях, которые, соединяясь, превращаются в надпись «ТЕЛЕКОМПАНИЯ А-Я ТВ»: ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ ОТ А ДО Я». Первым выходит Раид: он сидел на переднем пассажирском месте. Достает из багажника машины видеокамеру и треногу для неё: готовится к съемкам.

Второй из машины выходит Ляйсана: она сидела на задних местах для пассажиров. В руках у нее микрофон с длинным шнуром. Она делает легкую разминку: видимо спина и ноги затекли.

РАИД. (Любе) Вот оно, фруктовое кафе – «Абрикос». (Ляйсане, дурачась). Я сейчас всё наладю и мы пробу кина попробуем.

ЛЯЙСАНА. (смеясь) Ощень-на харашо! Ты свой рабочий инструмент готовь, а я – свой ... (начинает, демонстративно артикулируя, проговаривать скороговорку)

Были галчата в гостях у волчат.

Были волчата в гостях у галчат.

Нынче волчата галдят, как галчата,

И, как волчата, галчата молчат.

ЛЯЙСАНА. (поправляет прическу, в правой руке держит микрофон, говорит в камеру) Сегодня мы, сотрудники телекомпании «А - Я ТВ» меняем профессию...ненадолго...всего на один день. И становимся сотрудниками ГУОБДД МВД России, то есть - Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. (Любе) А можно я просто скажу – ГИБДД?

ЛЮБА. (так и не выходя из машины, высунув голову в окно; грубо) С чего бы это вдруг? Как написано в сценарии, так и говори. И ты...(тычет в собеседницу с расстояния пальцем) забыла поздороваться с телезрителем (хотела ещё что-то сказать, но поняла, что та её не слышит).

ЛЯЙСАНА. (гримаса на лице дает понять, что Любу она не очень-то и любит) Сегодня сотрудники нашей телекомпании решили сменить профессию и ...

ЛЮБА. (резко выскакивает из машины, подбегает к Ляйсан) Да что же это такое!!! Лейсанка...ты не тупи, а. Ты с теми, кто тебя смотреть будет, почему не здороваешься?

ЛЯЙСАНА. Ой, Люба, ...прости, я увлеклась. Сейчас поправлюсь...

ЛЮБА. Какая я тебе Люба?! Я - Любовь Куберовна! Твой руководитель...Запомнила? Давай, Лейсанка, действуй... Не нерви-

руй меня...

ЛЯЙСАНА. (с достоинством) Любовь Куберовна, я не Лейсанка. И даже не Лейсан. Я – Ляйсана (поправив прическу, бодро говорит в камеру). Исәнмесез! Добрый день! Здравствуйте! Хәерле көн! Сегодня мы...

Люба, подскочив к Ляйсан, отталкивает её в сторону с криком «Ах ты, овца! Пошла вон! Я сама!». Да так сильно отталкивает, что девушка, потеряв равновесие, буквально отлетает на несколько метров в сторону и оказывается как раз на проезжей части. Её чуть не сбивает паркетник: водитель машины, резко вывернув руль вправо, вылетает с трассы и врезается в дерево. Слышен треск, и вскоре дерево падает.

РАИД. Менә сиңа мә! Вот это да...(стоит в растерянности и смотрит то на Любу, то на Ляйсан, то на разбитую машину. Спohватившись, начинает снимать на камеру буквально всё, что видит).

Ляйсана в глубоком шоке. Она сидит на обочине дороги, обхватив руками колени, и беззвучно рыдает.

ЛЮБА. (подбежав к Раиду) Ну ты, Спилберг хренов. Хорош снимать. Быстро в машину, пока никого нет.

РАИД. (убирая камеру в телевизионную машину) Да я уже! В общем-то, всё я...снял.

ЛЮБА. (с ненавистью) Вот теперь всё удалишь. Чтоб ничего – ты понял – ничегошеньки на камере не осталось!

РАИД. (кивает головой, а затем немного неуверенно) Водиле-то ...поможем-то... может?

ЛЮБА. (тащит за собой Ляйсану) Уносим ноги, идиота кусок. Кто другой поможет.

Люба заталкивает Ляйсан в машину на переднее пассажирское сиденье. Сама садится за руль. Машина взревела, но не рванула с места, а медленно начала двигаться, что позволило Раиду без труда на ходу запрыгнуть в салон и устроиться на задних сиденьях. Ляйсан сжалась в комок и не подает признаков жизни. Но она - жива.

ЛЮБА. (немножко нервно сама себе) Так... молодец...Ум-

ничка...С места надо тронуться спокойно...Если рвануть резко, то останется след от прок-текто-ров...от колес в общем...Это привлечет внимание гайцов, а нам лишнее внимание ни к чему. А они скоро тут появятся...

Раид набирает на своём мобильном номер скорой помощи. Это видит Люба: она, не переставая управлять автомобилем, вырывает у Раида из рук мобильный.

ЛЮБА. Придурок!

РАИД. Любовь Куберовна, раз уж мы к мужику тому не подошли... не помогли, так хоть... может хоть скорую вызовем.

ЛЮБА. Вон видишь, грузовик пролетел. Вот он и вызовет. Дальнобойщики народ сердобольный. Мимо точно не проедет.

Люба останавливает машину. Поворачивается к Раиду, сидящему позади неё.

ЛЮБА. Запись удаляй!

РАИД. (берет камеру и осуществляет с ней некоторые только ему одному понятные манипуляции) Всё...Бетердем.

ЛЮБА. (удивленно) Чё?

РАИД. Чисто, говорю....Убрал.

Смартфон Любы запел голосом Владимира Макарова «Наша служба и опасна и трудна...». Люба внимательно смотрит на экран смартфона. Отвечает.

ЛЮБА. (игриво) Слушаю вас, товарищ капитан....Да, конечно мы уже готовы...В смысле где мы? Едем к вам....Как и договаривались...на федеральную трассу...к заброшенному кафе... То есть... (радостно) Мы едем в кафе «Яблоки» (поворачивается в Раиду), а не к кафе «Абрикос» (прикрывая смартфон рукой, чтобы товарищ капитан не слышал её грубости). Ты, Раид...ну ты и кретин...как ты вообще мог перепутать названия кафе?

РАИД. (удивленно) Я? Перепутать? Ты сказала, что нам надо ехать к заброшенному кафе у федералки. Но не сказала, к какому именно. Их у нас...этих брошенных кафе...(демонстративно загибает пальцы) Раз, два, три...четыре...

ЛЮБА. (ласково в смартфон) Одну секундочку, товарищ ка-

питан... (Раиду, шипя сквозь зубы) А какого лешего мы сюда приперлись?

РАИД. (растерянно) Так ты же сказала...когда я тебя спросил как называется кафе...что название у него какое-то фруктовое...А у нас только две фруктовые брошенки – «Абрикос» да «Яблоко».

ЛЮБА. (вертит пальцем у виска: это действие предназначается Раиду) Всё, товарищ капитан, скоро будем. Извините за мою неловкую потерянность по пути к вам...с меня кофе с чак-чаком.

Убирает свой смартфон. Дает Раиду его телефон.

ЛЮБА. Вызови такси. Лейсанку надо отвезти... куда-нибудь.

РАИД. Куда?

ЛЮБА. Вызывай такси! В больницу её, куда ж ещё.

КАРТИНА 2

На обочине дороги останавливается уже знакомый нам автомобиль телекомпания «А-Я TV». В тот момент, когда к машине идет инспектор ДПС, водительская дверь распахивается: из машины выпархивает Люба. Она бодро делает навстречу инспектору ДПС несколько шагов.

ИНСПЕКТОР ДПС. (широко улыбаясь) А мы вас уже заждались!

ЛЮБА. (широко улыбаясь в ответ) А мы к вам так спешили... так спешили.

В этот момент рация инспектора ДПС затрещала. Тревожный голос сообщил вот что: «Всем, кто меня слышит...внимание всем, кто слышит меня. У кафе «Абрикос» авария...серьезная авария. Прошу всех, кто меня слышит и находится рядом...» На этих словах инспектор ДПС нажимает только одному ему известную кнопку на рации и треск в рации, как и голос из рации пропали. Люба услышала всё, что доносилось из рации, и сильно напряглась.

ЛЮБА. (голос очень тревожен) Где я могу переодеться?

ИНСПЕКТОР ДПС. В нашей машине. А в платье этом вы мне больше нравитесь, чем в форменной одежде.

ЛЮБА. (кокетливо) Ну Вы же ещё меня в форме не видели!

Люба исчезает в белой машине с синими полосами и большими синими буквами ДПС на капоте.

ИНСПЕКТОР ДПС. (язвительно, зная, что его никто не слышит) Зато я других видел...

Смотрит на машину, где переодевается Люба, тяжело выдыхает в свою правую ладонь, сложенную ковшиком, тут же принюхивается к своему «выдоху». Недовольно цыкает, и перед тем, как перед ним появится Люба в униформе, успевает, как в телевизионной рекламе, забросить себе в рот пару подушечек жевательной резинки.

ИНСПЕКТОР ДПС (сам себе) Надо в ближайшее время к дантисту идти. Запашок появился.

ЛЮБА. (кокотливо) Ну? Как я Вам?

ИНСПЕКТОР ДПС. (наигранно восхищенно) Красоту ничем не испортить...А наша форма её, красоту эту...то есть вашу красоту...ещё лучше подчеркивает.

ЛЮБА. (кокотливо) Спасибо!

Снова затрещала рация инспектора. Голос какой-то женщины, явно переживающей за мужчину, попавшего в аварию, в рации спросил «Как водитель? Жив?». Треск заглушил ответ. Потом была пара непонятных фраз вперемешку с треском. Наконец рация выдала – четко, без треска – «Умер...только что...при погрузке в машину скорой помощи...в машине больше никого не было. В правах только имя читается – Марсель. Фамилия кровью залита и не читается». Люба вновь услышала всё, что выдала рация. Неконтролируемо выдала вздох облегчения...

ЛЮБА. (потирая ладони друг о друга) Ну...что ж... начнем... (кричит Раиду, который всё это время так и находился в машине). Иди сюда! (Увидев, что Раид вышел из машины и идет к ней) Да не один иди, а с камерой! Ты же не на прогулке, а на работе.

В этот момент зазвонил телефон инспектора ДПС. Рингтон – «Мин сине яратам» Ландыш Ибрагимовой. Люба пританцовывает под музыку, а потом, когда инспектор ДПС разговаривает по телефону, прихорашивается, глядя в карманное зеркальце.

ИНСПЕКТОР ДПС. (Любе) Одну минутку: жена звонит. (отвечает на звонок). Алло, жаным... Душа моя, начар ишетелә ... Плохо слышно говорю, милая... О, вот так лучше... А вот так вообще якшы! Отлично слышно! Что? Нет, моя хорошая... ну если только самую малость отвлекаешь. У нас тут группа с нашего телевидения... (судя по тому, что инспектор ДПС расплывается в улыбке, всем своим видом показывая, что он счастлив, Машуня говорит ему в течение нескольких секунд что-то очень приятное). И я тебя люблю! Поцелуй от меня сынулю вот так (звонко чмокает трижды микрофон смартфона и, нажав нужную кнопку на смартфоне, убирает телефон в карман брюк).

ИНСПЕКТОР ДПС. (бодро, потирая ладони друг о друга) Ну-с!!! Нач-нём!

За то время, пока инспектор разговаривал с женой по телефону, Раид установил треногу, настроил камеру и терпеливо ждал, когда можно начинать съемку.

ЛЮБА. (игриво) А Вы, уважаемый инспектор ДПС, оказывается... женатик!

ИНСПЕКТОР ДПС. А как же, уважаемая! А Вас что-то смущает? (С иронией). Ах да, Вы, наверное, считаете, что сто́ит симпатичной кыз-хатын появиться в поле зрения женатого мужчины, как он тут же кольцо своё обручальное снимет с пальца, да подальше припрячет-уберёт, дескать не женат я? (иронии уже нет) Ну ... может такие и есть... я не знаю... в моём окружении таких, например, точно нет. Так что, появься перед нами хоть девушка симпатичная, хоть женщина – лучше и краше моей Машуни никого нет! Хотя у неё подруга была татарочка, да красавица, но я Машуню выбрал. Даже не я – сердце выбрало...

ЛЮБА. (резко оборвав инспектора ДПС) Да поняла я! По-няла, что мне с Вами, уважаемый инспектор ДПС, ничего не светит... кроме фар проезжающих машин, которые нам уже пора останавливать, чтобы кадры хорошие набрать. Короче, давай, напарник, работу работать.

Берет микрофон и начинает тараторить в камеру

Всем привет! Сегодня мы, журналисты телекомпании «А-Я TV» меняем профессию и ненадолго, а точнее, всего на один день становимся сотрудниками ГУОБ ДЭДЭ МЭВЭДЭ России... (понимает, что неправильно проговорила аббревиатуру, замирает, глядя в камеру и через пару секунд чертыхаясь выдаёт). Да, блин! (резко вскинув правую руку вверх и так же резко рубанув ею вниз)

РАИД. (спокойно) Да все нормально! Переснимем.

ЛЮБА. (раздраженно) Заткнись!

РАИД. (спокойно) Чего это? Вообще-то я молча работаю. Поддержать тебя хотел.

ЛЮБА. (зло) Ты себя поддержи, сарык!

РАИД. (равнодушно) Сама ты баран! Больной ты на всю голову человек. И не кричи так при ...людях (а ведь хотел было сказать «при инспекторе ДПС»). Эх, Люба, Люба: имя у тебя хорошее. Доброе. Красивое имя. А сама ты - не хорошая...(отходит в сторону от Любы, достаёт смартфон, набирает номер)

ИНСПЕКТОР ДПС. Вот-вот... Имя многое значит... Вот моя Машуня...она ведь только для меня Машуня... А так-то она – Мария! Мария... Марьям, что значит любви-мая, желан-ная. А Мария – это ведь и госпо-жа значит! Вот у Машуни моей подруга есть. Ляйсана зовут... Весенний, стало быть, первый дождик. Так вот она, подруга Машуни моей, терпеть не может когда её называют Ляйсан...без а в окончании... Ей именно надо, чтобы Ляй-сана было. Иначе обижается и даже злится.

РАИД (в телефон, негромко) Алё, здравствуйте. Скажите, как Ляйсана себя чувствует? Может что-то нужно привезти в больницу?

ЛЮБА. (срываясь на крик) Да задолбали вы меня. Пошли вы ...куда подальше!

ИНСПЕКТОР ДПС. Иди-ка ты, милая, на все четыре стороны...Это вообще-то ты сюда приехала профессию менять, а я – на работе...

(Раздаётся резкий визг тормозов: рядом с инспектором ДПС останавливается дорогая легковая машина. Окна машины наглу-

хо тонированы. Стеклоподъемник левой задней двери оживает, и стекло на три четверти опускается. Оно опускается так, чтобы тот, кто сидит в машине, видел того, кто на улице, но тот, кто на улице, не видел сидящего в машине. Из остановившейся машины мы слышим раздражённый женский голос:

ГОЛОС (далее - ГОЛОС МАМЫ). Вот он – тот дядька полицейский, которому я тебя сейчас отдам, потому что ты себя плохо ведёшь. Дядя полицейский, арестуйте моего сына за то, что он капризничает! (слышно детское хныканье)

ГОЛОС РЕБЕНКА. Я не хочу...не хочу, чтобы меня арестовали...

ГОЛОС МАМЫ. Тогда заткнись! Сиди и молчи...

ГОЛОС РЕБЁНКА. (хныкает) Хо..хо-ро...шо...

ГОЛОС МАМЫ. (раздражённый голос) Всю машину соплями-слезами залил. Давай...высмаркивайся...и морду вытри...Нытик...

Инспектор ДПС всё это время стоит не двигаясь. Он обескуражен. Жестами отправляет Любу и Раида в их машину: они расценивают эти жесты как предложение подождать в машине, а не уехать. Инспектор из салона своей машины берёт шоколадный батончик и идёт к плачущему ребенку. Его намерения понятны: он хочет дать ребенку сладость, чем намерен успокоить его. Но в тот момент, когда со словами «Здравствуй! Не плачь...вот...возьми шоколадку. Мой сын очень любит такие шоколадки», он протягивает через приспущенное окно руку с шоколадным батончиком, стеклоподъемник вновь оживает: стекло быстро поднимается вверх и зажимает руку инспектора. Батончик падает внутрь салона.

ИНСПЕКТОР ДПС. (с возмущением) Женщина! Что вы делаете!?

Стекло быстро опустилось вниз, что позволило инспектору освободить свою руку из автокапкана. Машина взревела и рванула с места. Инспектор ДПС не увидел, как женская рука с большим количеством золотых колец со стороны водительского места вы-

Только он прекратил разговор, как тут же звонит его смартфон: блогер проявляет настойчивость.

РАИД. (делая нужные манипуляции с телефоном, переводит смартфон в «Режим полёта») Всё...я в самолёте...(Любе) Эй...(хлопает её по правому плечу). Хорош мычать...

ЛЮБА. (не открывая глаз. Очень спокойно) Я не мычу...я миди-ти-рую.

РАИД. Оно ясно-понятно. Но... снимать пора. Инспектор ... вон...уже освободился.

ЛЮБА. (сама себе) Всё ок!

РАИД. Вот и ладушки..

Люба и Раид выходят одновременно из своей машины, двери которой синхронно захлопываются. Люба идёт к инспектору. Раид возится с камерой и треногой.

ЛЮБА. (подходит к инспектору вплотную: сначала говорит, глядя ему в глаза, затем как получится) Вы...товарищ инспектор... меня извините...пожалуйста извините. (всхлипывает) Понимаете...в кои-то веки встретила замечательного человека...то есть мужчину (слегка ткнула своим указательным пальцем ему в район солнечного сплетения)...Вас то есть. И оказывается (демонстративно всхлипывает, незаметно для собеседника посмотрев при этом чем занимается Раид. Видя, что тот занят своей камерой и по-прежнему находится на достаточном расстоянии, чтобы ничего (или почти ничего) не услышать, утыкается носом в грудь собеседнику. Плачет наигранно, но для инспектора убедительно. Тот верит в искренность слез и как может пытается Любу успокоить, периодически произнося «ну-ну...ну-ну, хватит...ну успокойся...ну перестань... всё будет хорошо»)...оказывается...вы женаты.

ЛЮБА. (плачет в грудь собеседнику, но изредка посматривает на Раида) Да ничего ты...Вы...не понимаете. Я как Вас...тебя...увидела. Ёкнуло что-то...Такой удивительный мужчина. Как же я завидую Вашей жене. Вы её так любите. Я тоже хочу любви...хочуууууу...а мне встречаются на пути одни придурки (увидев, наконец, что Раид закончил свою возню с камерой, отстраняется

от инспектора ДПС). Таких, как ты нет...(демонстративно вытирает слеза невесть откуда взявшейся влажной салфеткой) Всё... я взяла себя в руки...извини...(далее говорит демонстративно громко, чтобы её обязательно услышал Раид) Извините, товарищ инспектор, но нам необходимо поскорее снять сюжет. Время...знаете не-у-мо-ли-мо идёт. (кричит Раиду) Ну... поторопись уже!

РАИД. (подходит быстрым шагом) Ну уже поторопился! (с ярко выраженным восточным акцентом) су-кру-пу-лёзно падготовил камера, аднака!

(желая поддеть Любу) А ты для чего в машине мычала?

ЛЮБА. (инспектору) Это он про медитацию по системе йогов. Я пыталась успокоиться и взять себя в руки. (Раиду) Я не мычала, как ты изволил выразиться. Я – ме-ди-ти-ро-ва-ла. Медитировала...если ты, конечно, знаешь такое слово. (отвернувшись от инспектора сквозь зубы) Позволю себе довести его до твоего бараньего ума. (демонстративно инспектору) Позволю себе до Вас, дорогой инспектор, что моё мычание – это Джняна мудра. А она усиливает концентрацию внимания - это раз. Активизирует работу мозга – это два. Помогает преодолеть депрессию, гнев – это три. (Раиду) Есть ещё вопросы?

Раид, мотнув головой, обозначает, что у него вопросов нет.

ЛЮБА. (инспектору) Итак. Сейчас он включит камеру, и я обращусь к Вам. Обращусь я к Вам с вопросом...с вопросом...(начинает шарить по карманам явно в поисках бумажки, на которой и был записан тот самый вопрос, с которым она планировала обратиться к инспектору) да что это такое...куда я её сунула....

ИНСПЕКТОР ДПС. С каким вопросом Вы ко мне обратитесь?

ЛЮБА. С простым...не переживайте, ответ найдете на него Вы легко.

РАИД. (не поймешь то ли искренне, то ли с некоторой издевкой) Любовь Куберовна, Вы, пожалуйста, повнимательнее. В прошлый раз Вы сказали «мы - журналюги телекомпании «А-Я TV» меняем профессию».

ЛЮБА. (недоуменно) И что тут не так? Меняем же профессию.

РАИД. профессию-то мы меняем...только мы не журналиги, а журналисты.

ЛЮБА. (растерянно) Дааа? Я так и сказала – жур-налиги? Это я по инерции. Сейчас не ошибусь. Ты готов?

РАИД. Да! Снимаю на счет три. Раз...два...три...

Люба берет микрофон и бодрым голосом в камеру.

Исэнмесез! Здравствуйте! Добрый день! Хэерле көн! Сегодня, уважаемые телезрители, мы – сотрудники телекомпании «А-Я TV» ненадолго, а точнее, всего на один день становимся сотрудниками ГУОБДД МВД России. Итак, проект «журналист меняет профессию» даёт нам сегодня возможность ненадолго побыть теми, от кого зависит безопасность дорожного движения на наших дорогах. Сегодня я не в платье, как обычно, а в специальной униформе...

ИНСПЕКТОР ДПС (прерывая Любу) Которая, кстати, на Вас весьма хорошо сидит.

ЛЮБА (Инспектору, кокетливо) Спасибо! (в камеру) Ну а нам сегодня предстоит, что называется от А до Я узнать все причины аварий на наших дорогах. И с этим вопросом – то есть с вопросом «Каковы основные причины аварий на наших дорогах?» я обращаюсь к самому настоящему инспектору дорожно-постовой службы. (неумело ткнула микрофоном в лицо инспектору)

ИНСПЕКТОР ДПС (отшатнувшись от микрофона). А основными причинами аварий на наших дорогах является невнимательность и нарушение...несоблюдение правил дорожного движения. Вот взять, к примеру, такой пример: две недели назад одна автоледи стала, сидя за рулем, чистить банан...Ну то есть кожуру банана снимать. Отвлеклась на секундочку и – бабах в зад идущей впереди машине, которая резко вдруг притормозила.

Слышен резкий визг тормозов, скрежет железа и звонкий удар, а также звук разбитого стекла. К ногам инспектора ДПС подкатывается апельсин. Люба, Раид и инспектор ДПС вздрогнули. Но - каждый по-своему. Раид направляет камеру на цитрус. Берет крупным планом надкушенный апельсин.

ИНСПЕКТОР ДПС. (в сердцах). Вот вам ваше от А до Я. Причина аварии – А: апельсин. (взрываясь) Управляя машиной, нельзя чистить апельсин! Вообще нельзя ничего чистить! (бежит к разбившейся машине)

РАИД. (ошарашено, вслед инспектору) А вы рассказали только что про банан, как причину недавней аварии. Слово банан – на букву «б».

ЛЮБА. Раид, направь камеру на разбившуюся машину... картинка получается живая... А вот в авто вред ли кто жив.

КАРТИНА 4

Мерцая огнями, останавливается машина скорой помощи. Раид, Люба и инспектор ДПС обреченно смотрят туда, где догорает разбившаяся машина. К троице подходит водитель скорой помощи.

ВОДИТЕЛЬ. Опять я раньше приехал, чем пожарные. Машину потушат, может, и заберу того, кто в салоне. А так – мне здесь делать неча.

РАИД. А с чего вы взяли, что в машине один человек?

ВОДИТЕЛЬ (потрясён). Я номер машины вижу...вон он лежит на дороге.. три семерки....некоторые берут как будто счастливые номера – семь-семь-семь. Я запомнил эту машину...Мы с её водителем минут двадцать назад одновременно заправлялись на АЗС. Водила ещё в магазине при АЗС купил плитку шоколада, чебурек и апельсин. «Есть очень хочу...проголодался!» - сказал.

РАИД (потрясён) Ещё двадцать минут назад он был жив... Еду купил, (заикаясь) а-а-пельсин начал есть.

ВОДИТЕЛЬ. (видит лежащий на земле шоколадный батончик). О! В тему находка. (поднимает шоколадный батончик, надрыгает упаковку и быстро откусывает большой кусок батончика). О, как раз! Очень хочу есть! (оправдываясь) С утра во рту ни маковой росинки (доедает батончик и идёт к машине скорой помощи) Я к себе...в машину. Вы не суйтесь туда. Можно шок от увиденного испытать.

Раид и Люба в шоке. Смотрят друг на друга.

ИНСПЕКТОР ДПС. (растерянно) Я бы так не смог...

ЛЮБА. Как так?

ИНСПЕКТОР ДПС. Ну...батончик шоколадный с земли взять и...съесть...

РАИД. (цинично) Будешь голоден - поднимешь. Поднимешь и съешь!

ИНСПЕКТОР ДПС. Раз уж вы спросили про причины аварий...от А до Я так сказать, то вот вам причина на букву «В» - взятка!

РАИД. (направляя на инспектора видеокамеру) Ещё раз это скажите ...

ИНСПЕКТОР ДПС. Причина аварий на букву «В» - взятка.

ЛЮБА. То есть это как?

ИНСПЕКТОР ДПС. (воодушевленно) Помните...три года назад разбился...на подъезде к Елабуге внедорожник? Ну? Помните? (Люба и Раид всем своим видом дают понять, что они этой аварии не помнят) О! Та ещё история! Внедорожник стал кучей железа. А за рулём был директор крупной строительной компании. Машина сбила лося на дороге...Лось, главное, живёхонький: вскочил на ноги и в лес убёг. А внедорожник этот с дороги слетел, раза два...а может и три...перевернулся. Потом в стоящий бульдозер ударился ...и он загорелся...

ЛЮБА. Бульдозер загорелся?

ИНСПЕКТОР ДПС. Ха! Бульдозеру ни царапки! Внедорожник загорелся! Потом, когда машину горящую потушили, мои коллеги ...и полицейские... обгоревшие купюры – рубли и доллары – час битый собирали. Деньги эти...как их...ассигнации обгорели все сильно...но мно-о-ого их было. Несколько тыщ! Спрашивается – на кой ляд ты, дурик, с такими деньжищами на руках за рулем их пересчитывать стал? А ясно мне, ясно почему: жадность и страсть в одном флаконе.

ЛЮБА (сама себе) М-да...Я бы потом эти деньги пересчитала. Деньги – они особого внимания требуют. (Раиду) Снимай всё!

Всё, понятно, всё снимай. Очень горячее видео у нас будет! (Инспектору ДПС). А с чего это вы решили, что это была взятка?

ИНСПЕНКТОР ДПС. А потому что после этой аварии ...на следующий же день...пришёл в наше местное отделение полиции один сумасшедший...действительно сумасшедший...(напевая на мотив песни Владимира Высоцкого) «Он то плакал, то смеялся, то щетинился, как ёж...» (спохватившись). Так вот...он признался, что дал взятку...крупную...уж сколько он дал, я не знаю, но – дал. А тот взяточник возьми и начни за рулем...машиной, то есть, управляя пересчитывать эти деньги. Ну возьми и остановись...И посчитай, если уж невтерпёж. Так нет...за рулем надо.

ЛЮБА. А с чего это вдруг стало ясно, что он за рулем эти деньги считать стал?

ИНСПЕКТОР ДПС. А после первого или второго кувырка из машины видеорегиистратор вылетел. Он цел остался после аварии. А запись мы когда просмотрели...я её тоже видел...так там слышно как он в машине, напевая «Мани-мани»...ну у группы «Абба» есть такая песня про деньги...пересчитывает...И знаете..голос при пересчете такой...приторнослащавонеприятнопротивный...во какой (изображает такой голос) Шесть пачек по пять...трижды три пачки по сто..ах ты ж мой Бенжи Франклин...ах ты ж мой красавчик!»

ЛЮБА. Не поняла...

РАИД. Ну, пачки по пять – это пачки, в которых наши пятьтысячные. Рубли то есть. А пачки по сто - это пачки со стодолларовыми купюрами. На сотенной баксе изображён портрет Бенджамина Франклина.

ЛЮБА. А...Знаю...Президент США.

ИНСПЕНКТОР ДПС. (как бы между прочим) Бенджамин Франклин вопреки распространенному заблуждению никогда не был президентом США.

ЛЮБА. А зачем он тогда на сотенной изображён?

ИНСПЕКТОР ДПС. Франклин - один из авторов американской Конституции.

РАИД (не переставая снимать) Точно! А ещё он автор слов «Время – деньги». Читал в какой-то книге, но не помню... из какой это книги.

ЛЮБА. Сейчас узнаем из какой. (в смартфон) Алиса, скажи в какой книге автора американской конституции Бенджамина Франклина есть слова «Время – деньги».

Голосовой помощник Алиса отвечает: «Советы молодому купцу».

ИНСПЕКТОР ДПС. Кстати, смартфон тоже является причиной аварий.

ЛЮБА. (с издевкой) Давайте как-то уж по порядку. После буквы «В» всё-таки у нас идет буква «Г». Что на эту букву является причиной аварий? Гитара? Гармошка?

ИНСПЕКТОР ДПС. (спокойно) Гонорар.

ЛЮБА. (вздвогнув) Гонорея?

ИНСПЕКТОР ДПС. (удивлённо посмотрев на Раида, который перехватив этот взгляд, пожимает плечами так, что этот жест можно понять таким образом: «Ну а чего ты удивлён: и такое у неё было»). Го-но-рар! Артист один после концерта разбился на своей «Волге». На мосту через Волгу, кстати, разбился. Ему гонорар за выступление дали в конверте...так он только в машине ...на ходу...да ещё и ночью стал конверт этот открывать... И разбился...

ЛЮБА. (с интересом) А сколько дали-то ему в качестве гонорара?

РАИД. Пожарные прибыли! (отходит в сторону и делает звонок по телефону) А сколько это будет стоить? (с надеждой) А в нашей стране это возможно? (с досадой) всё в долларах и евро... Понял, спасибо.

КАРТИНА 5

ЛЮБА. (держит микрофон перед лицом Инспектора ДПС) Раид, снимай меня справа теперь... Так выигрышнее... А сейчас я сделаю удивлённое лицо, и ты возьми его крупным планом.

РАИД. Инспектора?

ЛЮБА. (раздражённо) Лицо моё, кретин, возьми крупным планом....Идиот...(делает удивлённое лицо)...Нет, блин, не так... вот ты, дурак, сбил меня с рабочего настроения...(ещё одна попытка сделать удивлённое лицо: в этот раз получается лучше, но всё равно наигранно) Не может быть! Мы так действительно все причины аварий от А до Я назовём!

Слышен резкий визг тормозов, скрежет железа и звонкий удар, а также звук разбитого стекла. К ногам Любы падает губная помада.

ЛЮБА. (спокойно) Я в шоке от сегодняшнего дня...От смены профессии и...того, что падает и подкатывается к нашим ногам. (в камеру) вы посмотрите, уважаемые зрители, что в результате аварии...вылетев через разбитое лобовое стекло упало к моим ножкам – губная помада. ...мы как раз подошли к букве «П». Помада...Кто бы мог подумать, что и помада губная приводит к трагедии на дороге.

Поднимает помаду: она ярко красная и наполовину выкручена. Внимательно рассматривает помаду...

ЛЮБА. Дорогой бренд...(цокает язычком) Хорошая помада...
Поднимает лежащий у своих ног помятый восьмиугольный дорожный знак «СТОП». Берёт его в левую руку, держа помаду в правой руке, проводит по букве «S» две линии так, что получается знак доллара. Прячет помаду себе в карман.

ИНСПЕКТОР ДПС. (растерянно) Может быть вам уже хватит снимать?

ЛЮБА. (возбуждённо) Да вы что: всё самое интересно только начинается!

ИНСПЕКТОР ДПС. (с досадой) Эх...если бы моё начальство не далО мне установку помогать вам во всём...я бы вас уже знаете куда послал.

РАИД. Куда?

ЛЮБА. (ударяя себя по ягодицам) Ту-да!

ИНСПЕКТОР ДПС. (смущённо) Ну...нет...что вы...

Неловкую ситуацию спасает телефонный звонок: это зво-

нит Машуля.

ЛЮБА. (с издевкой) Вы, товарищ инспектор, аккуратнее со смартфоном, ведь он – причина аварий.

ИНСПЕКТОР ДПС. Да, милая...

РАИД. Да...ну и денёк, действительно...Может это потому, что сегодня тринадцатое число...пятница...

ЛЮБА. Мы в Татарстане живём, и американские приметы...или что там связано с пятницей число тринадцать...не работают.

РАИД. А что тогда так рабо-тает, что хочется в мечеть бежать и ... и молиться?

ЛЮБА. Шурале его знает! (инспектору ДПС с издѣвкой) Эй, киньте мне палку Вашу чёрно-бело полосату... Я хоть постанавливаю машины...

Инспектор ДПС автоматически выполняет её просьбу и бросает ей жезл. Три метра пролетев, жезл оказался в руке Любы.

РАИД. (присвистнув) Опаньки!

ЛЮБА. (с гордостью) А то! Я ведь в школе в теннис играла! Снял, как я ловко поймала жезл?

РАИД. Снял...(тихо сам себе) И это – снял... Всё снял (убирает камеру).

Люба выходит на дорогу и, тыча жезлом в сторону проезжающей машины, делает пассы, которые, как ей кажется, нужно трактовать именно так: «Немедленно остановитесь!». Раздается резкий визг тормозов, скрежет железа и звук разбитого стекла. В Любу летит смартфон, который она поймала также ловко, как и жезл инспектора ДПС. Видя, что на неё катится автомобильное колесо, Люба отскакивает в сторону. Всё было сделано очень ловко: и смартфон поймала, и от колеса увернулась. В тот момент, когда Люба поймала смартфон, находящийся в режим «Громкая связь», из динамика смартфона слышен уверенный женский голос.

ГОЛОС ИЗ СМАРТФОНА. Так вот...я очень рада, что ты сам затеял этот разговор. Только незачем было следить за мной. Сама бы рассказала скоро всё. Да! Сама! Так вот, я встречаюсь с твоим

другом уже три месяца. Это был кошмар – после его объятий и поцелуев оказываться рядом с тобой. Мне противны твои руки. Всё в тебе мне противно. Я понимаю, что ты и друга потерял, и меня... Но ты сам виноват! Женщине нужно внимание, а не деньги, на которые ты променял наши отношения. Впрочем, знаешь...я тебя ни-ког-да не любила. Мне тебя жалко было, поэтому и была с тобой. Пока Марсель не появился. А теперь всё кончено. И я очень рада, что всё кончено. Так что пошёл ты... Марсель сейчас едет ко мне. И мы с ним уезжаем в Турцию... В наше пусть и не свадебное, но любовное путешествие. Как приеду, подам на развод! А что касается дочери, так ты её...

В этот момент батарея смартфона разрядилась.

ЛЮБА. (смотрит на смартфон) Разговоры за рулем приводят к внештатной ситуации на дороге!

РАИД. К аварийной, а не внештатной.

ЛЮБА. Поумничай ещё!

РАИД. (он растерян) Точно пойду в мечеть...

ЛЮБА Иди! Хоть прямо сейчас иди. (толкает Раида, да так сильно, что тот оказывается на проезжей части. Инспектор ДПС успеваает схватить Раида за рукав.

ИНСПЕКТОР ДПС. (отдышавшись) А ещё ...неправильное поведение людей у дороги становится причиной аварий.

РАИД. (в шоке) Это... когда, к примеру, кто-то кого-то на дороге толкает...(смотрит на Любу: на её лице ненависть к Раиду). Толкает и этим убивает! (инспектору) Вы же спасли меня сейчас. Ещё немного и меня сбили бы...

ИНСПЕКТОР ДПС. (Любе) Вот теперь уж как хотите...хотите извиняйте меня, хотите нет... Но я вынужден срочно уехать: подруга жены...Ляйсана в больницу попала в шоковом состоянии...(услышав имя Ляйсана, Люба вздрогнула. Инспектор ДПС бежит к своей машине, и мы слышим, как хлопнула дверь, взревел мотор...

ЛЮБА. Охрененный будет репортаж! Даже на центральный канал можно его протолкнуть... Такой - с руками оторвут!

КАРТИНА 6

Люба нежится в теплой ванне с пеной. Смартфон лежит рядом на табуретке. Он в режиме громкая связь.

ГОЛОС ИЗ СМАРТФОНА. (восхищёно) Ну, Любка, ты...ты... молодец! Танька только что рассказала, какой умопомрачительный сюжет у тебя получился! Да, Центральный канал – это не хухры-мухры! Я рада за тебя. Ты – суперская! Тебя теперь точно в Москву пригласят! Там тебе место, а не тут у нас...(просящим голосом) Может и мне ...что-нибудь ...там...в Москве подыщешь...А?

ЛЮБА. (игриво) Может и подыщу! Всё, мне некогда...пока...

Завершает разговор с блаженной улыбкой – улыбкой счастливой женщины, добившейся своего. Она погружается с головой в воду: нежная пена, приятный аромат. Находясь под водой, Люба слышит, что её смартфон ожил рингтоном «Highway to Hell» AC/DC.

ЛЮБА. (в голосе негодование) Твою мать! Рокер хренов! Забыла этот идиотский рингтон поменять на звонок Раида.

Вытирает руки висящим рядом полотенцем и включает громкую связь.

ЛЮБА. (бодро и задорно) Слушай, Раид, я как раз сейчас думала...а какой рингтон поставить на звонок от тебя. «Дорога в ад» твоя уже не актуальна.

ГОЛОС РАИДА ИЗ СМАРТФОНА. Думай. И над этим думай.

ЛЮБА (удивлённо) И над этим? (игриво) А над чем ещё мне надо подумать?

ГОЛОС РАИДА ИЗ СМАРТФОНА (слышно волнение) А у меня к тебя предложение. Люба, давай твой и мой гонорар за наш репортаж с центрального ТВ соединим и оплатим лечение Ляйсаны. Мы хорошие деньги получили, мы хорошо поработали. Обращаюсь к тебе за помощью, потому что моего гонорара и моих накоплений не хватает. Есть клиника в Америке. Там Ляйсану поставят на ноги. Это точно! Я всё узнал. Но без твоих денег я не смогу помочь «весеннему дождику». У тебя блестящее будущее на Центральном. Ты карьеристка в самом лучшем смысле этого слова. Ты

добиваешься своего и ты получила эту работу. Это – работа мечты. Но...мир так хрупок. Работа мечты - она на волоске. Прости, что опускаюсь до этого, но...приоритеты я, как говорится, от А до Я расставил. То видео...то, где ты Ляйсану толкнула на дорогу под машину...я его сохранил...так получилось. Ты молчи-молчи пока. (четко проговаривая каждое слово) нужны деньги! Цена здоровья Ляйсаны – семь десятков тысяч долларов. С учетом билета туда и обратно... и общих расходов - сотни вполне хватит. Прости, но у тебя 24 часа на принятие положительного решения. Запись тебе отдам в обмен на деньги. Клянусь, что копии не будет. Вот такая получилась, извини, кАмпания – от А до Я.

Люба задумалась. Звучит - неизвестно откуда - «Highway to Hell».

КОНЕЦ

Воспоминания

Роза Нутфуллина (г.р. 1942)

В 1964 году окончила Елабужский государственный педагогический институт, в 1974 – аспирантуру Московского государственного университета им. Ломоносова.

Более 40 лет преподавала на кафедре русской и зарубежной литературы Елабужского института Казанского университета, потом, в течение нескольких лет являлась

Председателем Совета ветеранов вуза. Живет в Елабуге.

Как прожить студенческую жизнь, не выходя из здания

*Роза Нутфуллина о себе, Елабуге,
институте 60-х годов и его обитателях*

В Елабуге живу около 60 лет. Слышала о городе в детстве от отца, который учился здесь до войны в Политическом училище (сейчас в этом здании располагается колледж культуры и искусства). Отец всегда тепло отзывался о Елабуге и елабужанах. Тогда же мне посчастливилось увидеть многое своими глазами. Я отдыхала в пионерском лагере Красного Ключа на Каме и нас повезли на пароходе «Вера Засулич» на экскурсию. Уже с борта парохода открылось чудо: три церкви, выстроенные в один ряд вдоль реки, создавали удивительную гармонию слияния зелени деревьев с белоснежными куполами. Особенно поразил Спасский собор с высоченной колокольней, понравились Музей истории города, Ивана Шишкина, здание пединститута, старинные здания на Карла Маркса. И когда встал вопрос выбора профессии между врачом в мединституте Казани и учителем в пединституте Елабуги,

выбрала Елабугу. Сказалось, наверное, и то, что моя мама была учительницей и очень любила свою профессию.

Город стал родным. Здесь нашла свою судьбу - вышла замуж за Радика Нутфуллина, удивительного и талантливого студента, позже преподавателя философии, эстетики, более 30 лет руководившего студенческим коллективом «Глобус», прославившим в 60-80 годах и город, и институт. Ансамбль получил звание «Народного коллектива», а его руководитель «Почетного горожанина» (одним из первых), его именем названа улица в новой части города.

Что насторожило и удивило

В русской классической литературе XIX века есть много произведений о провинциальных городах, где описаны судьбы людей и достопримечательностей. Некоторые свои «достопримечательности» Елабуга открыла мне, 17-летней абитуриентке, сразу же: в первый же день на улице Карла Маркса увидела много милиционеров, что насторожило и напугало, много незрячих людей, что удивило. Тогда я еще не знала, что в Елабуге есть Школа милиции и УПП ВОС (предприятие незрячих людей).

В этот же день наблюдала еще одну любопытную картинку. Недалеко от института была (и есть) колонка, где набирают воду. Встречаются две женщины, одна несет воду в ведрах на коромысле, другая идет за водой с ведрами и коромыслом. Они, радостно улыбаясь друг другу, говорят буквально следующее: «Куда пошла?» - «За водой» - «А ты куда?» - «Я уже набрала воду, иду домой». Я поняла: это своего рода приветствие друг друга. Остановившись, они стали разговаривать о жизни, о базаре, о луке. Одна другую спрашивает: «Ты «луцку» закупила? «Пощем» «луцок-от?»... Позже, живя в городе, изучая на филологическом факультете диалектологию, я узнала, что это «танаевский говор» и даже вспомнила, как отец нахваливал и часто привозил танаевский лук. Так началось знакомство с городом и горожанами, их, на первый взгляд, простыми нравами.

Айса! Айса!

Улицы города тянулись прямой лентой, снизу вверх, как в Санкт-Петербурге: Карла Маркса (Казанская), Ленина (Нефтяников), Московская, а пересекающие их улицы (Покровская, Стахеевых, Спасская) выходили прямо к церквям - Покровской, Никольской и Спасскому собору. Строители XIX века владели законами архитектурной гармонии, знали красоту и творили её.

Тротуары и мостовые были выложены местами плитами (это дело рук мастеров при Стахеевых и других купцах), но большая часть их была вымощена огромными булыжниками: камень о камень, ровно и гладко. Вскоре я узнала от елабужанки Нины Беловой, что мостили улицы и тротуары военнопленные японцы и немцы после войны. Она вспоминает, как часто в детстве бежала смотреть на их работу, помнит и то, что японцы в такт работы кричали: «Айса! Айса!», наподобие русскому: «Эй, дубинушка, ух-нем...».

Проверено все!

Самое поразительное открылось мне в здании пединститута, где мы облазили все уголки чердака и подвала, главное, - подвала, где, по преданию, были тайные ходы, один из которых нам удалось обнаружить: выход в палисадник через вентиляционные каналы, позже они, видимо, были замурованы.

Самое прекрасное в здании института в актовом зале (бывшей церкви Епархиального училища) - беломраморные украшения-изразцы на стене; тогда на сцене актового зала не было штор-задников. Великолепная огромная люстра висела высоко на потолке. Все было торжественным и красивым. Акустика зала и сейчас поражает заезжих музыкантов.

Городок в городке

Здание института использовалось для проведения занятий и внеучебных мероприятий. Кроме того, в этом же здании находилось студенческое общежитие, квартиры некоторых препода-

вателей и целая инфраструктура.

Студенческое общежитие располагалось на 4-м этаже, где сейчас располагается факультет иностранных языков с кабинетами, деканатом, лабораториями и библиотекой. Самые большие комнаты - 89-я, 101-я, в них жило по 20-28 студентов. Обстановка была скромная: железные узкие кровати, посередине - большой стол, составленный из 10 маленьких столов, покрытых разноцветной клеенкой. Здесь мы обедали, по вечерам готовились к семинарам. В углу у входной двери стояли два небольших столика с посудой и электрическими плитками, под столами - ведра с чистой водой и мусором. Дежурили по два человека: убирали комнату, мыли полы, протирали тумбочки и окна, выносили мусор. Все проживающие в комнате дежурили по графику и понимали, что необходимо поддерживать порядок и чистоту.

Полуэтажи и радиоприемники

Здание института, как отмечалось выше, было уникальным. В нем есть так называемые полуэтажи, мы же их назвали пятым этажом. Они представляют собой небольшие площадки в конце коридора с обеих сторон, выше четвертого этажа, ниже чердака. Именно там оборудовали кухни, поставив столы с электрическими плитками. Эти «кухни» были удобны не столько для готовки обеда, сколько для кипячения белья и подогрева воды для стирки. Туалетные комнаты находились на всех этажах: на третьем (где сейчас Музей археологии, 76 «б» аудитория), на втором (где сейчас 50-я аудитория и кафедра русского языка), на третьем (где сейчас кафедра истории) и т.д. Там брали воду для всех нужд, стирали и сушили белье.

Во всех комнатах стояли простенькие радиоприемники. По утрам они будили, многие студенты делали физзарядку, а потом бегали по скверу и двору института. Некоторые из студентов бегали по дорожкам институтского сада (теперь это территория Университетской школы). Занятия начинались в 8 часов утра, звонок на занятия был слышен и на четвертом этаже, поэтому опазды-

вающих и прогуливающих занятия было мало и их, как правило, потом дружно и гневно осуждали...

Из спальни в аудиторию

На 1-2 курсах с 1960 года я жила в больших комнатах, на 3-м курсе - в 76-й комнате и это было самым интересным в моей студенческой жизни, ведь она находилась рядом с аудиториями, в которых шли учебные занятия. Это было связано, скорее всего, с нехваткой мест в комнатах, находящихся на четвертом этажах. На 4-м курсе я жила в 93-й комнате, на 5-м - в 59-й (в пристрое). В пристрое, куда вели два коридора (один на первом этаже - сейчас там перегороджено и находится библиотечная служба с книгохранилищем, второй - на втором этаже, он существует и сейчас, это проход к 60-й аудитории, компьютерными классами и кафедре информатики). Там жили некоторые преподаватели. Студенты и преподаватели жили как бы общей коммуной и в одинаковых бытовых условиях. В подвале другого пристроя находилась столовая (сейчас здесь издательский отдел университета, центр информационных технологий и аудитории).

Дом, в котором было все

В институте в те годы была создана настоящая инфраструктура, позволяющая студентам довольно комфортно жить. Кроме столовой, в самом здании на первом этаже левого пристроя был продуктовый магазин. В вестибюле находилось почтовое отделение; на первом этаже был спортзал (сейчас это 22-я аудитория), где можно было посмотреть и кинофильмы. Кинофильмы, концерты, спектакли можно было смотреть и в актовом зале. Рядом с продуктовым магазином находилась парикмахерская. Во дворе института в отдельном здании была прачечная. Как тогда шутили сами студенты, можно было прожить всю студенческую жизнь, не выходя из здания.

Хочется отметить еще одно преимущество, которое имели студенты, жившие в самом здании института. Кабинеты литерату-

ры, русского языка, татарского языка и литературы, истории, физики и математики, читальный зал работали с 8 часов утра до 9 вечера. Мы имели возможность заниматься в них допоздна: тогда все много читали, конспектировали, списывали целые общие тетради. И, если до закрытия кабинета мы не успевали проработать какие-то книги или журнальные статьи, лаборанты кафедр нам оставляли ключи, и мы могли до 12 часов ночи, иногда и позже, пользоваться этой предоставленной возможностью. В те годы приходиться на семинарские и практические занятия неподготовленными было невозможно и стыдно. Все учились на совесть, старались получить знания, необходимые для будущей профессии.

Танцы, поэзия и... свадьбы

Из коридора первого этажа можно было попасть в столовую. Кормили нас сытно, недорого и вкусно. Здесь же обедали и преподаватели, для которых открыли небольшой отдельный зал (теперь там аудитория). В столовой устраивали студенческие и преподавательские вечеринки, праздновали свадьбы. Тогда были популярны комсомольские свадьбы. Иногда они проводились в больших учебных аудиториях. Так, наша свадьба состоялась 12 мая 1963 года в 73-й аудитории, где собрались все студенты моей группы и Радия во главе с кураторами и деканом филологического факультета К.К. Вельшом. Кстати, Конрад Конрадович был настоящим «отцом» для студентов, приходил на все наши поэтические или драматические вечера, был желанным гостем на студенческих свадьбах.

В холле четвертого этажа почти каждую субботу устраивали танцы, часто под баян. Играли виртуозно сами студенты, например мой сокурсник, Коля Губернаторов, студент старшего курса Радий Нутфуллин. Включали и проигрыватель. Грампластинки с танцевальными мелодиями приносили все, кто их имел. За музыкальное оформление танцев отвечал студент физмата Юра Алексеев. Эти ребята и были «душой» студенческих вечеров отдыха, где не только танцевали вальс, танго, краковяк, но и пели соло и

хором самые популярные хиты советской и зарубежной эстрады: «Ландыши», «Эти глаза напротив», «Подмосковные вечера»... Причем всегда под прекрасную музыку. Радий играл на многих музыкальных инструментах - баяне, кларнете, саксофоне, пианино. Все эти музыкальные инструменты хранятся у нас дома.

Очень часто проводились поэтические вечера. Мы собирались почитать стихи Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадуллиной, Риммы Казаковой, Роберта Рождественского, поговорить о поэтах и поэзии. Это было увлекательное времяпровождение, объединяющее «физиков» и «лириков».

Самые умные и мудрые

На физмате для нас самым умным, мудрым, эрудированным преподавателем был математик Альфред Люстиг. Он вел математический анализ, был прекрасным специалистом, знал несколько языков. Альфред Максович организовал кружок по изучению испанского языка для преподавателей и студентов. Работал в это время и Евгений Сергеевич Соколов, физик, энтузиаст-цветовод. Именно он организовал студенческий клуб цветоводов. В институтском саду и палисадниках вместе со студентами он разбил цветники-клумбы. В 60-е годы на этом факультете работали и проректоры института К.М. Малов, И.А. Фогельсон, многие другие квалифицированные преподаватели.

Не провинция, однако

Хочу напомнить, что термин «провинция» (лат.) в Древнем Риме использовался для обозначения территории, завоеванной Римом и управляемой римским наместником. В наше время провинция - это административно-территориальные единицы в ряде европейских стран (Италия, Испания и др.). В Россию термин пришел в XIX веке и означал административно-территориальные единицы, входящие в состав губерний. В наше время - это населенная часть страны (небольшой город, село), удаленная от столицы.

В этом смысле Елабуга может называться провинцией весьма условно, ибо город давно уже занял достойное место среди российских старинных городов, находящихся даже вблизи столицы. Тысячами нитей он связан с другими городами: культурой, образованностью, музеями, памятниками, Спасской ярмаркой, Цветаевскими и Стахеевскими чтениями и т.д. Елабуга превратилась в город-музей, своеобразную Мекку для туристов. А самой главной достопримечательностью города является, на мой взгляд, здание нашего института - великолепный памятник архитектуры и замечательных людей, связанных с ним, оставшихся и остающихся в истории на долгую и добрую память...

Публицистика

Дания Салимова (г.р. 1957)

Работает в Елабужском институте с 1981 года. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан, Почетный работник высшего профессионального образования. Автор свыше 300 научных публикаций.

Живет в Елабуге.

Русский язык сегодня

(Интервью корреспонденту газеты «Казанские ведомости»: сокращенный вариант материала размещен в «КВ» от 12.07.2019)

Корр.: Как вы оцениваете уровень грамотности современных россиян?

К сожалению, уровень грамотности современных россиян, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Об этом написано сотни книг, статей, проведено конференций, приведены статистические данные и т.д., что долго останавливаться на этом не хочется. Причин падения уровня грамотности несколько: это, в первую очередь, наша непростая социально-экономическая действительность (все мы спешим, торопимся, суетимся, стараемся заработать, нам не до учебы и норм языка); несоответствие между уровнем жизни грамотных и профессионально подготовленных людей и людей, плохо говорящих и пишущих (как ни странно, часто вторые преуспевают в жизни); это интернет-язык, который больше всего требует оперативности, скорости, информационности, а не грамотности; это введение ЕГЭ по русскому языку (уроки русского языка в школах превращаются в натаскивание, в подготовку

заданий; стандартизация мышления, шаблонность ответов и т.д.). Наконец, это стремление молодых людей «обезьянничать» с языком, щеголять английскими фразами (ок, вау) или элементами сленга (жесть!) и как следствие – пренебрежительное отношение к истокам, основам родного языка. Не могу согласиться с распространенным мнением о том, что во всем виноваты школа и учителя-словесники. Педагогические вузы в основном выпускают хороших специалистов, и в школах работают (исключения бывают всегда) учителя, любящие и знающие свой предмет, поэтому попытка обвинить в неудачах обучающихся, в том числе, в языковом невежестве, только школу – это абсолютно неприемлемая вещь. Школа, как и сам язык, – это наше зеркало, взгляните глубже и внимательнее...

Ведь многое зависит от нас самих, носителей языка: желательно как можно внимательнее и осторожнее следить за собственной речью, да и за речью своих близких. На днях я похвалила свою хорошую знакомую, маму дочерей, после того как она сказала своей дочке: «Давай наденем вот эту шапку» (до этого она не разграничивала «одеть» и надеть»). Знакомая эта сказала, что сейчас у них в семье «цензор» – третьекурсница нашего института – и что именно она (моя студентка) исправляет каждую ошибку в речи родителей и сестер. Ну прекрасно же! Кто нам в этом может помешать?! Экологи нужны везде...

Корр.: Каково состояние гуманитарного образования в современной российской высшей школе, на ваш взгляд?

Я понимаю и слышу «подтекст» Вашего вопроса: во время научно-технических сенсаций, чудес инженерии, переворотов в исследованиях сфер космоса, мирового океана, биотехнологий и т.д. гуманитарное образование в России как бы (не люблю это слово, но оно тут уместно) отходит на задний план и остается в тени. Но это только на первый взгляд; на самом деле (я уверена в этом) гуманитарное образование, в том числе и языковое, развивается так же эффективно, как и другие науки. В Казанском фе-

деральном университете, например, в том числе и в Елабужском институте, ведутся серьезные исследования по самым актуальным, востребованным в обществе и науке направлениям, таким, как клиническая лингвистика и нейролингвистика, компьютерная лингвистика, лингвография, цифровые технологии, коммуникативная лингвистика и психоллингвистика, также социоллингвистика (проблемы дву- и многоязычия, языковой ситуации, межкультурной коммуникации) и др. Гуманитарные науки сегодня стремятся соответствовать изменениям в обществе, экономике. Лет 15-20 тому назад (я работаю в сфере образования 38 лет) мы о некоторых векторах этих исследований не имели даже представления. Например, в 2015-2018 годах группа елабужских исследователей под моим руководством выполняла проект «Язык и культура российских немцев» (грант РГНФ), который нам позволил открыть для нас совершенно новые горизонты-границы лингвокультурологии и социо-этнолингвистики, увидеть уникальность этноса РН с двумя мощными крыльями (русской и германской культуры) и убедиться в том, что российские немцы вовсе не утратили интерес к немецкому языку (как кажется большинству), а благодаря интернет-технологиям, социальным сайтам и группам, различным проектам и конкурсам начинается культурно-языковое возрождение. Да и вообще, действительно наблюдающийся некий перекося интересов в обществе с гуманитарного на техническое обязательно со временем изменится, ибо без воспитания творческой личности, ее богатого духовно-нравственного мироощущения, толерантности, чувства прекрасного (как раз этим и занимаются гуманитарные науки) общество не способно идти вперед. Как я уже вскользь заметила, русский мир, русский язык другим народам и странам интересны сегодня как раз благодаря великому духовному, литературному наследию (кто в мире не знает эти фамилии: Толстой, Чехов, Достоевский и др.).

Несмотря на то, что все в один голос твердят: происходит упадок в гуманитарных науках, снижается интерес к языку, литературному чтению, состояние русского и татарского языков

плачевное и т.д., очевидно: у филологии есть и сегодняшнее, и будущее. Языкознание становится очень интересной, многовекторной, междисциплинарной наукой, привлекает все больше и больше способных молодых людей. Ведущие принципы науки – это «человек в языке» и «язык в человеке», сегодня преобладает интерес к языку как основному элементу культуры. Языки (и русский, и татарский) не переживают кризис, не страдают, не слабеют и т.д., как мы все любим говорить. Образно говоря, у языка как феномена проблем нет. (Сколько за год, интересно, организуют конференции «Актуальные проблемы русского языка»... Лучше бы «Актуальные проблемы языкознания»)) Проблемы есть в нас, в носителях языка, проблемы в нашей речи. А язык это выше, богаче, сильнее.

Корр.: Какие тенденции изменений существуют в современном русском языке? К чему они приведут? Ваше отношение к сокращениям и заимствованиям?

Я думаю, что для развития современного русского языка, как и для других языков мира в целом, характерны тенденции к демократизации норм, к вариативности, к экономии речевых средств, к росту иноязычных лексем, расширению средств выражения экспрессивности-эмоциональности. Приведу только один пример – это рост роли аббревиации как средства словообразования, в русском языке сегодня несколько тысяч аббревиатур (МВФ, ВЦИК, НАТО), и это число будет только возрастать, хотя абсолютно большая часть этих слов непонятна простому носителю языка. Скорее всего, со склонением составных числительных «дело» тоже идет к упрощению: вместо фразы «речь шла о девяти тысячах восьмистах семидесяти пяти рублях» все чаще мы слышим вариант начального падежа, возможно, это со временем приведет к упрощению целой парадигмы. Сначала введут «как вариант», а затем, конечно, верх одержит вариант именно более простой и удобный. Варианты произношения и ударения: мышление (помню: нарочито с ударением на первом слоге произносил наш знаменитый в КГУ преподаватель Энвер Ахунзянов), иначе,

творог, симметрия и др. уже закреплены в словарях-справочниках. Язык будет развиваться и в формах-средствах выражения категорий интенсивности, экспрессивности, использовать не совсем характерные для русского языка формы: такси-макси, фрукты-мрукты, называть таковое грубым нарушением норм русского языка и отказаться от них в учебных пособиях – бесполезно, они проникают в нашу речь все больше и больше.

Принцип к простоте и экономии будет диктовать сокращение некоторых форм; ведь в русском языке когда-то была богатая система временных форм (например, прошедшего времени), три формы числа – сегодня только единственное и множественное и др.

Как мне кажется, бороться с заимствованиями, активным внедрением новолексем не следует. Ведь с этими словами наш язык получает столько новых понятий и возможностей. Язык, как море, сам способен производить самоочистку: со временем останутся нужные слова, а ненужные, громоздкие, неудобные для произношения и т.п. лексемы уйдут сами. Не стоит отказываться и от интернационализмов, даже варваризмы, иноязычные вкрапления только украшают язык, текст, привлекают внимание, иногда провоцируя интерес. Например, одной из причин успеха «Зулейхи...» Гузель Яхиной я считаю многоязычие романа, некую калейдоскопичность. Совсем другое дело, когда эти иноязычные слова начинают вытеснять наши собственные, вполне жизнеспособные слова: импичмент (недоверие), презентация (представление), шопиться (покупать) и др.

Корр.: Согласны ли вы с утверждением, что использование нецензурной лексики уничтожает русский язык?

Да, согласна. Вот с этим надо бороться и бороться! Бранная лексика, арго все глубже проникают в нашу речь. А ведь язык – это отражение духа, характера народа. Почитайте еще раз В.ф. Гумбольдта. Позволю себе небольшое отступление. Когда я училась в 70-е годы в Казанском университете, с удовольствием слушала по морфологии впервые материал о словах категории состояния.

Относительно новая часть речи, объясняла нам доцент Р.А. Юналеева, тематическая одна группа слов, выражающих крайне негативное состояние людей, например, представлена всего двумя словами: капут и крышка. Сегодня я читаю ту же тему по морфологии, перечисляем вместе со студентами слова той же тематической группы: конец, капец, хана, каюк, кердык, кранты, жесь (подбираем слова еще более или менее «культурные») и так без конца. То есть таких слов становится все больше и больше, значит, в нас агрессии больше, мы попадаем в крайне трудные ситуации и все чаще стараемся хотя бы словами «выплеснуть» агрессию. Говоря более простым языком, используя бранную лексику, мы сами становимся сплошным негативом. Возможно, на то есть объяснение: социальные, психологические предпосылки, но за речью своей следить мы в силах! Не допускать темни, черни, агрессии в своей речи – это мы можем.

Корр.: Что вы думаете о языке и стиле современных СМИ?

Многие, в том числе и лингвисты, за снижение уровня грамотности населения обвиняют именно СМИ, особенно интернет-издания (Видимо, «Кто виноват?» сидит в нашем российском сознании веками))). Я же думаю, что дело обстоит как раз наоборот: это некоррелирование между следствием и причиной, то есть в СМИ тоже стали обращаться с языком не так бережно и осторожно, как раньше, в угоду интересам большинства населения. И журналисты стали говорить, писать «как все». Но есть журналисты (газетных изданий, радио и телевидения), читая тексты которых и слушая их передачи, все больше влюбляешься в русский язык, убеждаешься в том, насколько русский язык действительно очень богатый, выразительный и мощный, гибкий одновременно (мама, мать, матушка, мамуля, мам, мамочка, маманья, ма и т.д. – такие разнообразные варианты обращения, в каком еще из языков есть такое!). Например, мне очень нравится Дмитрий Крылов (ДК), послушайте его речь, плавную, иногда вкрадчивую, богатую самыми разнообразными средствами выразительности языка... ну просто изумительно!

Совершенно негативное влияние, как мне кажется, оказывает некая «игра в демократию» в интернет-изданиях. После множества текстов-сообщений есть возможность оставить комментарии. Вот в этих-то комментариях и есть весь арсенал всевозможных нарушений норм языка. Я понимаю, ограничивать читателей в возможности комментировать нехорошо (должны же СМИ-структуры «слышать дыхание» населения), но такие комментарии читают многие, а в них часто нет и тени тактичности, толерантности, не говоря о соблюдении норм языка (самые свежие примеры из КВ: последние годы -это становится нормой, моей дочке вот вот исполняется 14 лет). Наверное, следует об этом серьезно подумать! Возможно, все сообщения, комментарии и т.д. должны быть опубликованы только после правки корректора. Даже в Вашей газете, журналисты которой, на мой взгляд, настоящие профи с чувством языка и слога, пера, я иногда читаю такие мини-тексты, что после этого хочется скорее выключить компьютер или айфон. Статьи самих журналистов, конечно, оформлены в основном по всем правилам и нормам, сему мы и учим будущих учителей; и в целом, наши республиканские СМИ прекрасно справляются со своими задачами. Я знаю, что в КВ работают в основном журналисты, выпускники нашего знаменитого Казанского федерального (раньше – государственного) университета, а оставившая вечный след в мировой науке Казанская лингвистическая школа и сегодня достойно представлена в своих выпускниках: языковедах, литературоведах, журналистах, писателях и поэтах.

Корр.: Существует ли вероятность того, что русский язык утратит статус мирового? Когда это произойдет, по вашему мнению?

Как известно, статусом «мировые языки» обладают 6 языков: английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский. Я думаю, что ни один из этих языков свой статус в ближайшие десятилетия не потеряет: у каждого из языков целая гамма условий-факторов, политических, социальных, экономических, демографических и т.д., подтверждающих вес языка.

Например, для французского языка – это больше дань традиции, государственный статус в ряде стран, для китайского – это число носителей и темпы развития экономики; для русского языка, на мой взгляд, – это роль великой русской литературы, культуры и науки. Никакие санкции, политические однодневные приоритеты, социально-экономические неурядицы и т.д. не способны вычеркнуть роль и место русского языка в мировом общекультурном пространстве.... Я часто езжу и вижу, что даже в тех государствах, которые когда-то объявили «бойкот» русскому языку, народ, население, все больше и больше обращает взор в горизонты русского языка. Это и Молдова, и Грузия, и Украина, Кавказ, республики Средней Азии и др. Только два примера: Тотальный диктант, его пишут с каждым годом все в большем числе стран, все большее количество людей из других государств хочет освоить РКИ (русский язык как иностранный), в наш вуз с каждым годом учиться все больше и больше приезжает иностранцев. То есть интерес к русскому языку высок и таковое в дальнейшем будет только усиливаться.

Корр.: Каким вам видится будущее русского языка, допустим, лет через 50?

Русский язык имеет прекрасные перспективы, он будет развиваться, лексика обогащаться за счет новых слов; тенденция к универсализации не означает, что в мире останутся один-два языка (английский, китайский), как кажется некоторым. В то же время я не исключаю, что русский язык постепенно будет претерпевать некие изменения в нормах. Наш великий и могучий, богатый русский язык так же богат и разнообразен во всевозможных исключениях и отклонениях (склонение ли это, спряжение ли глаголов, категория ли это числа, рода и т.д.). Возможно, язык станет более простым, однородным, более логичным и более четко структурированным. Но это перспектива на столетия.... Помню, когда была в Махачкале в 1991-м году, дагестанские ученые-лингвисты с гордостью говорили, что табасаранский язык имеет более 60 падежей и что это зафиксировано в Книге рекордов Гиннеса. Я

задала простой вопрос: сколько человек владеет этим языком и что, возможно, сокращение числа носителей языка связано с архисложностью падежной системы, не планируете ли вы немного упростить грамматические нормы; моих дагестанских коллег мои вопросы, помню, поставили в очень неудобное положение.... Возможно, я была не совсем тактична, но в каждой шутке есть доля истины. Каждый язык прекрасен по своей сути, но распространенность в мире получают в первую очередь языки простые, удобные, логически четко построенные. Конечно, всегда бывают исключения, например, китайский язык для меня всегда остается загадкой: с 50000 иероглифами (наши учащиеся часто не разберутся и с 33 буквами русского алфавита), интонационно-просодическими «чудесами», он остается популярным в мире.

Одним словом, через 50-100 лет я вижу русский язык так же в числе самых популярных и изученных языков мира, как и сейчас (по самым разным источникам, русский язык входит в первую семерку распространенных языков мира).

Содержание

Поэзия	3
Светлана Пивкина	4
Ольга Горбунова (Лукшина)	13
Елена Палиенко (Артамонова)	21
Евгений Поспелов	29
Эдуард Брусков	38
Мария Прохорова	42
Лилия Равилова	55
Проза	61
Талгат Галиуллин	62
Анатолий Разживин	82
Анатолий Мухачев	90
Марьям Ларина	97
Татьяна Привалова	111
Драма	118
Андрей Иванов	119
Воспоминания	141
Роза Нутфуллина	142
Публицистика	150
Дания Салимова	151

Казанский
федеральный
университет

Елабужский ИНСТИТУТ

г. Елабуга, ул. Казанская, 89

Тел. +7 (85557) 7-55-62. E-mail: elabuga@kpfu.ru

kpfu.ru/elabuga

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПАРНАС.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ. ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ.

2021 г.

Редакционная коллегия:

Мерзон Е.Е., Разживин А.И. (отв. ред.), Пивкина С.А.

Печатается в авторской редакции.

© Коллектив авторов

© Елабужский институт Казанского федерального университета

423604, г. Елабуга, ул. Казанская, 89

Формат 60×84/16. Усл.печ.л. 9,53.

Подписано в печать: 10.04.2021. Гарнитура PT Sans. Тираж 100 экз. Заказ №460

423604, г. Елабуга, ул. Казанская, 89